

ПРЕОДОЛѢНІЕ САМООЧЕВИДНОСТЕЙ.

(КЪ СТОЛѢТІЮ РОЖДЕНІЯ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО)

... Кто знаетъ, быть можетъ жить
значить умереть, а умереть — жить.
Эврипидъ.

«Кто знаетъ — можетъ жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь», говоритъ Эврипидъ. Платонъ, въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, заставляеть самого Сократа, мудрѣйшаго изъ людей и какъ разъ того, кто создалъ теорію о понятіяхъ и первый увидѣлъ въ отчетливости и ясности нашихъ сужденій основной признакъ ихъ истинности, повторить эти слова. Вообще у Платона Сократъ почти всегда, когда заходитъ рѣчь о смерти, говоритъ то-же или почти то-же, что Эврипидъ: никто не знаетъ, не есть ли жизнь — смерть и не есть-ли смерть — жизнь. Мудрѣйшіе изъ людей еще съ древнѣйшихъ временъ живутъ въ такомъ загадочномъ безуміи незнанія. Только посредственные люди твердо знаютъ, что такое жизнь, что такое смерть...

Какъ случилось, какъ могло случиться, что мудрѣйшіе люди теряются тамъ, гдѣ обыкновенные люди не находятъ никакихъ трудностей? И почему трудности — мучительнѣйшія, невыносимѣйшія трудности выпадаютъ на долю наиболѣе одаренныхъ людей? Что можетъ быть

ужаснѣе, чѣмъ не знать живъ-ли ты или мертвъ! «Справедливость» требовала бы, чтобъ такое знаніе или незнаніе было бы удѣломъ равно всѣхъ людей. Да что справедливость! Сама логика того требуетъ: бессмысленно и нелѣпо, чтобы однимъ людямъ было дано, а другимъ не было дано отличать жизнь отъ смерти. Ибо отличающіе и не отличающіе — уже совершенно различныя существа, которыхъ мы не вправѣ объединять въ одномъ понятіи — «человѣкъ». Кто твердо знаетъ, что такое жизнь, что такое смерть: тотъ человѣкъ. Кто этого не знаетъ, кто хоть изрѣдка, на мгновеніе трясетъ изъ виду грань, отдѣляющую жизнь отъ смерти, тотъ уже пересталъ быть человѣкомъ и превратился.. во что онъ превратился? Гдѣ тотъ Эдипъ, которому суждено разгадать эту загадку изъ загадокъ, проникнуть въ эту великую тайну?

Нужно однако прибавить: «по природѣ» всѣ люди умѣютъ отличать жизнь отъ смерти и отличаютъ легко, безошибочно. Неумѣнье приходитъ — къ тѣмъ, кто на это обреченъ — лишь съ теченіемъ времени и если не все обманывается, всегда вдругъ, внезапно, неизвѣстно откуда. А потомъ вотъ еще: это «неумѣнье» отнюдь не всегда присуще и тѣмъ, кому оно дано. Оно является только иногда, на время и такъ-же внезапно и неожиданно исчезаетъ, какъ и появляется. И Эврипидъ, и Сократъ и всѣ тѣ, на которыхъ было возложено священное бремя постѣдняго незнанія, обычно, подобно всѣмъ другимъ людямъ, твердо знали и знаютъ, что такое и жизнь и что такое смерть. Но въ исключительныя минуты они чувствовали, что ихъ обычное знаніе, то знаніе, которое родило и сблизало ихъ съ остальными, столь похожими на нихъ существами и такимъ образомъ связывало ихъ со всѣмъ міромъ, покидаетъ ихъ. То, что всѣ знаютъ, что всѣ признаютъ, что и они сами не такъ давно знали и что во всеобщемъ признаніи находило себѣ подтвержденіе и послѣднее оправданіе — этого они не могутъ назвать своимъ знаніемъ. У нихъ есть другое знаніе, не признанное, не оправданное, не могущее быть оправданнымъ. И точно, развѣ можно надѣять-

ся добыть когда нибудь общее признаніе для утвержденія Эврипида? Развѣ не ясно всякому, что жизнь есть жизнь, а смерть — есть смерть и что смѣшивать жизнь со смертью и смерть съ жизнью можетъ либо безуміе, либо злая воля, поставившая себѣ задачей во что бы то ни стало опрокинуть все очевидности и внести смятеніе и смуту въ умы?..

Какъ же посмѣлъ Эврипидъ произнести, а Платонъ повторить предъ лицомъ всего міра эти вызывающія слова? И почему исторія, истребляющая все бесполезное и -бессмысленное, сохранила намъ ихъ? Скажутъ, простая случайность: иной разъ рыба кость и ничтожная раковина сохраняются тысячелѣтіями. Сущность въ томъ, что хоть упомянутыя слова и сохранились, но они не сыграли никакой роли въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. Исторія превратила ихъ въ окаменѣлости, свидѣтельствующія о прошломъ, но мертвыя для будущаго — и этимъ навсегда и безповоротно осудила ихъ. Такое заключеніе какъ бы само собою напрашивается. И въ самомъ дѣлѣ: не разрушать же изъ за одного или нѣсколькихъ изреченій поэтовъ и философовъ общіе законы человѣческаго развитія и даже основные принципы нашего мышленія!..

Можетъ быть представлять и другое «возраженіе». Можетъ быть напомнить, что въ одной мудрой древней книгѣ сказано: кто хочетъ знать, что было и что будетъ, что подъ землей и что надъ небомъ, тому бы лучше совѣмъ на свѣтъ не рождаться. Но я отвѣчу, что въ той же книгѣ рассказано, что ангелъ смерти, слетающій къ человѣку, чтобъ разлучить его душу съ тѣломъ, весь сплошь покрытъ глазами. Почему такъ, зачѣмъ понадобилось ангелу столько глазъ — ему, который все видѣлъ на небѣ и которому на землѣ и разглядывать нечего? И вотъ, я думаю, что эти глаза у него не для себя. Бываетъ такъ, что ангелъ смерти, явившись за душой, убѣждается, что онъ пришелъ слишкомъ рано, что не наступилъ еще человѣку срокъ покинуть землю. Онъ не трогаетъ его души, даже не показывается ей, но прежде чѣмъ удалиться, незамѣтно оставляетъ человѣку еще два глаза изъ безчисленныхъ собственныхъ глазъ. И тогда че-

ловѣкъ внезапно начинаетъ видѣть сверхъ того, что видятъ всѣ и что онъ самъ видитъ своими старыми глазами, что то совсѣмъ новое. И видитъ новое по новому, какъ видятъ не люди, а существа «иныхъ міровъ» такъ, что оно не «необходимо», а «свободно» есть, т. е. одновременно есть и его тутъ-же нѣтъ, что оно является, когда исчезаетъ и исчезаетъ, когда является. Прѣжніе природные « какъ у всѣхъ » глаза свидѣтельствуютъ объ этомъ «новомъ» прямо противоположное тому, что видятъ глаза, оставленные ангеломъ. А такъ какъ остальные органы воспріянія и даже самъ разумъ нашъ согласованъ, съ обычнымъ зрѣніемъ и весь, личный и коллективный, «опытъ» человѣка тоже согласованъ съ обычнымъ зрѣніемъ, то новыя видѣнія кажутся незаконными, нелѣпыми, фантастическими, просто призраками или галлюцинаціями растроннаго воображенія. Кажется, что еще темно и уже наступить безуміе: не то поэтическое вдохновенное безуміе, о которомъ трактуютъ даже въ учебникахъ по эстетикѣ и философіи, и которое подъ именемъ эроса, маніи или экстаза уже описано и оправдано гдѣ нужно и гдѣ нужно, а то безуміе, за которое сажаютъ въ желтый домъ. И тогда начинается борьба между двумя зрѣніями — естественнымъ и неестественнымъ— борьба, исходъ которой такъ-же кажется проблематичнымъ и таинственнымъ, какъ и ся начало..

Однимъ изъ такихъ людей, обладавшимъ двойнымъ зрѣніемъ и былъ, безъ сомнѣнія, Достоевскій. Когда слетѣлъ къ нему ангелъ смерти? Естественнѣе всего предположить, что это произошло тогда, когда его съ товарищами привели на эшафотъ и прочли ему смертный приговоръ. Но естественныя предположенія едва-ли здѣсь уместны. Мы попали въ область неестественнаго, вѣчно фантастическаго *par excellence* и, если хотимъ что нибудь здѣсь разглядѣть, намъ прежде всего нужно отказаться отъ тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которые до сихъ поръ намъ обеспечивали достовѣрность нашихъ истинъ и нашего познанія. Пожалуй, отъ насъ потребуется и еще большая жертва: готовность признать, что достовѣрность вовсе и не

есть предикать истины или, лучше сказать, что достовѣрность никакого отношенія къ истинѣ не имѣетъ. Объ этомъ еще придется говорить — но уже изъ приведенныхъ словъ Эврипида мы можемъ убѣдиться, что достовѣрность сама по себѣ, а истина сама по себѣ. Ибо, если Эврипидъ правъ и точно никто не знаетъ, что смерть не есть жизнь, а жизнь не есть смерть, то развѣ этой истинѣ суждено стать когда нибудь достовѣрной? Пусть всѣ до одного люди, отходя ко сну и вставая, повторяютъ слова Эврипида — они останутся такими же загадочными и проблематическими, какими они были для него самого, когда онъ впервые услышалъ ихъ въ сокровенной глубинѣ своей души. Онъ принялъ ихъ потому, что они чѣмъ-то плѣнили его. Онъ высказалъ ихъ, хотя зналъ, что никто не повѣритъ имъ, если даже и всѣ услышатъ. Но сдѣлать ихъ достовѣрными онъ не могъ, не пытался, и позволяю себѣ думать, не хотѣлъ. Можеть быть вся плѣнительность и притягательная сила такихъ истинъ въ томъ, что онѣ освобождаютъ насъ отъ достовѣрности, что онѣ подаютъ намъ надежду на возможность преодоленія того, что именуется самоочевидностями.

Итакъ, не въ тотъ моментъ, когда Достоевскій стоялъ на эшафотѣ и ждалъ исполненія надъ собой приговора, слетѣлъ къ нему страшный ангелъ смерти. И даже не тогда, когда онъ жилъ въ каторгѣ среди обрѣкавшихъ другихъ и ставшихъ обреченными людей. Объ этомъ свидѣлствуютъ «Записки изъ мертваго дома», одно изъ лучшихъ произведеній Достоевскаго. Авторъ «Записокъ изъ мертваго дома» все еще полонъ надеждъ. Ему, конечно, трудно, неслыханно трудно. Онъ не разъ говоритъ — и въ этомъ нѣтъ преувеличенія — что каторжная тюрьма, въ которую согнали нѣсколько сотенъ крѣпкихъ, сильныхъ, большей частью незаурядныхъ, еще молодыхъ, но выбитыхъ изъ колеи и полныхъ затаенной вражды и ненависти людей, была настоящимъ адомъ. Но за стѣнами этой тюрьмы, всегда помнилъ онъ, была иная жизнь. Край неба, видный даже изъ за высокой острожной ограды, обѣщаль въ будущемъ, и не такъ уже отдаленномъ, волю. Придетъ время — и

тюрма, клейменные лица, нечеловѣческая ругань, вѣчные драки, звѣрское начальство смрадъ, грязь, свои и чужія вѣчно бряцающія цѣпи — все кончится, все пройдетъ и начнется новое, высокое, благородное существованіе. «Не навсегда же я здѣсь» постоянно повторяетъ онъ себѣ. Скоро, скоро я буду «тамъ». А «тамъ», на волѣ есть все о чемъ тоскуешь, чего ждешь измученная душа. Здѣсь только тяжкій сонъ, кошмаръ. А тамъ великое, счастливое пробужденіе. Раскройте тюремныя двери, прогоните конвойныхъ, снимите кандалы — боиши ничего не нужно: остальное я найду въ томъ вольномъ, прекрасномъ мірѣ, который я и прежде видѣлъ, но не умѣлъ оцѣнить. Сколько искреннихъ, вдохновенныхъ страницъ написалъ на эту тему Достоевскій! «Какими надеждами забилося тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить. Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свою свободу. Я хотѣлъ попробовать себя вновь на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе...» Какъ жадно ждалъ онъ того дня, когда окончится каторга и начнется новая жизнь! И какъ глубоко онъ былъ убѣжденъ, что только бы выйти изъ тюрьмы, и онъ покажетъ всѣмъ — себѣ и другимъ — что наша земная жизнь есть великій даръ Божій. Если только не допускать прежнихъ паденій и ошибокъ, то можно уже здѣсь на землѣ найти все, что нужно человѣку и уйти изъ жизни, какъ уходили патріархи, «насытившись днями». «Записки изъ мертвого дома» единственно въ своемъ родѣ произведеніе Достоевскаго, не похожее на все, что онъ писалъ до и послѣ нихъ. Въ нихъ столько выдержанности, ровности, тихаго, величаваго спокойствія — и это при колоссальномъ внутреннемъ напряженіи. При томъ живой горячій, не напускной интересъ ко всему что проходить предъ глазами. Если не все обманываетъ — эти записки правдивая лѣтлонія той тюрьмы, въ которой Достоев-

скій провалъ четыре года. Итъ какъ будто ничего вымысленаго — не измѣнены даже имена и фамилии арестантовъ. Достоевскій, очевидно, тогда всей душой былъ убѣжденъ, что то, что проходило предъ его глазами — хоть оно было ужасно и отвратительно — все же было дѣйствительностью и при томъ единственно возможной дѣйствительностью. Были арестанты, смѣлые, трусливые, лживые, правдивые, страшные, безобидные, красивые, безобразные. Были смотрители, конвойные, майоры, бабы, приносившия калачи, фельдшера, врачи. Самые разнообразныя люди — по дѣйствительные, настоящіе, реальные, «окончательные» люди. И жизнь ихъ тоже реальная, «окончательная» жизнь. Правда. — бѣдная, жалкая, скучная, томительная, трудная. Но, вѣдь это же не «вся жизнь», какъ не все небо было въ томъ голубомъ ключѣ, который виденъ былъ помыхъ тюремныхъ стѣнъ. Настоящая, полная, содержательная, осмысленная жизнь — тамъ, гдѣ надъ человѣкомъ не ключекъ свислы, а грандіозный куполь, гдѣ пѣтъ стѣнъ, гдѣ безконечный просторъ и широкая, ничѣмъ не ограниченная, свобода — въ Россіи, въ Москвѣ, Петербургѣ, среди умныхъ, добрыхъ, дѣятельныхъ и тоже свободныхъ людей.

II.

Окончилась каторга, окончилась послѣдовавшая за каторгой военная служба. Достоевскій въ Твери, потомъ въ Петербургѣ. Все, чего онъ ждалъ, пришло. Надъ нимъ уже не краснѣтъ голубого неба, а все небо. Онъ вольный, свободный человѣкъ, такой же, какъ и тѣ люди, судьбѣ которыхъ онъ завидовалъ, когда носилъ свои кандалы. Осталось только исполнить обѣты, которые онъ добровольно наложилъ на себя, когда былъ въ тюрьмѣ. Нужно полагать, что Достоевскій не скоро забылъ о своихъ обѣтахъ и «программѣ» и дѣлалъ не одну отчаянную попытку устроить свою жизнь такъ, чтобы не повторялись прежнія «ошибки и паденія». Но, повидимому, чѣмъ больше онъ старался,

тѣмъ меньше у него выходило. Онъ сталъ замѣчать, что свободная жизнь все больше и больше начинаетъ походить на каторжную и что «все небо», которое прежде, когда онъ жилъ въ заключеніи, казалось безграничнымъ и въ своей безграничности такъ много сулящимъ, такъ же тѣснить и давить, какъ и низкіе потолки его острожной камеры. И идеалы, — тѣ идеалы, которыми онъ умиротворялъ свою изнемогающую душу въ дни, когда соприсчисленный къ злодѣямъ, онъ жилъ среди послѣднихъ людей и дѣлилъ съ ними ихъ участь, эти идеалы не возвышаютъ, не освобождаютъ, а сковываютъ и принижаютъ, какъ арестанскіе капдалы. Небо давитъ, идеалы сковываютъ — и вся человѣческая жизнь, какъ и жизнь обитателей мертвого дома превращается въ тяжелый, мучительный сонъ, въ непрерывный кошмаръ...

Почему такъ случилось? Вчера еще написаны были «Записки изъ мертвого дома», въ которыхъ только жизнь каторжниковъ, подневольныхъ мучениковъ изображалась какъ кошмаръ — отъ него же пробужденіе обѣтовано послѣ истеченія опредѣленнаго, назначеннаго срока, приближеніе котораго ежедневно съ полной безошибочностью учитывалось по осторожнымъ палямъ. Кошмарна жизнь только тамъ, въ неволѣ. Жизнь на свободѣ прекрасна. Стоитъ снять цѣпи и открыть двери тюрьмы и человѣкъ будетъ свободнымъ, начнетъ жить полной жизнью. Такъ, поминимъ, думалъ Достоевскій. Объ этомъ свидѣтельствовали и его глаза, и всѣ остальные чувства и даже «божественный» разумъ. И вдругъ, на ряду съ тѣми свидѣтельствами — новое свидѣтельство, прямо противоположное. Достоевскій, конечно, не подозрѣвалъ объ ангелѣ смерти. Можетъ и слыхалъ или читалъ о немъ, но менѣе всего могло придти ему въ голову, что этотъ таинственный, невидимый гость захочетъ подѣлиться съ смертнымъ своей способностью прозрѣнія. Но отъ полученнаго дара онъ не могъ отказаться, какъ не можемъ мы отказаться и отъ даровъ ангела жизни. Все, что у насъ есть, мы получили отъ кого-то и откуда-то, получили не спрошенные, еще прежде, чѣмъ

умѣли задавать вопросы и отвѣчать на нихъ. Второе зрѣніе пришло къ Достоевскому непрощеннымъ, съ такою-же неожиданностью и такъ-же самовольно, какъ и первое. Отличіе только одно, на которое я уже указывалъ, но на которомъ, въ виду его необычайнаго значенія, нужно еще разъ остановиться: въ то время, какъ первое зрѣніе, «естественные глаза» появляются у человѣка одновременно со всѣми другими способностями воспріятія, и потому находятся съ ними въ полной гармоніи и согласіи, второе зрѣніе приходитъ много позже и изъ такихъ рукъ, которыя менѣе всего озабочены сохраненіемъ согласованности и гармоніи. Въдѣ смерть есть величайшая дисгармонія и самое грубое, при томъ явно умышленное нарушеніе согласованности. Еслибъ мы къ самому дѣлу вѣрнѣе въ то, что законъ творчества есть самый неизблемый принципъ, какъ училъ Аристотель — то мы обязаны были бы сказать: въ мірѣ есть либо жизнь, либо смерть — обѣ онѣ одновременно существовать не могутъ.

Но, либо законъ творчества совѣтъ не такъ неизблемъ и всеобъемлющъ, либо человѣкъ не смѣетъ имъ всегда руководиться и пользуется имъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ самъ способенъ быть творцомъ. Тамъ гдѣ человѣкъ — хозяинъ, гдѣ онъ распоряжается, тамъ этотъ законъ ему служить. Два больше одного, а не меньше и не равняется одному. Но жизнь создана не человекомъ, не имъ создана и смерть. И обѣ онѣ, хотя и взаимно одна другую исключаютъ, все же одновременно существуютъ въ мірѣ, доводя до отчаянія человѣческую мысль и принуждая ее признаться, что она не знаетъ, гдѣ кончается жизнь и гдѣ начинается смерть и не есть ли то, что ей кажется жизнью — смерть и то, что ей кажется смертью — жизнью.

Достоевскій вдругъ «увидѣлъ», что небо и каторжная стѣна, идеалы и кандалы вовсе не противоположное, какъ хотѣлось ему, какъ думалось ему прежде, когда онъ хотѣлъ и думалъ, какъ всѣ нормальные люди. Не противоположное, а одинаковое. Нѣтъ неба, нигдѣ нѣтъ неба, есть только низкія, давящій «горизонтъ». Нѣтъ идеаловъ, воз-

носящихъ горѣ, есть только цѣпи, хотя и невидимыя, но связывающія еще болѣе прочно, чѣмъ тюремныя кандалы. И никакими подвигами, никакими «добрыми дѣлами» не дано человѣку спастись изъ мѣста своего «безсрочнаго заключенія». Обѣты «исправиться», которые онъ давалъ въ каторгѣ, стали казаться ему кощунственными. Съ нимъ произошло приблизительно то-же что и съ Лютеромъ, который съ такимъ неподдѣльнымъ ужасомъ и стращаніемъ вспоминалъ объ обѣтахъ данныхъ имъ при вступленіи въ монастырь: *ессе, Deus, non vovisse impietatem et blasphemiam per totam meam vitam.*

Это новое «видѣніе» и составляетъ основную тему «записокъ изъ подполья», одного изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній не-только русской, но и міровой литературы. Въ этой небольшой вещи, какъ извѣстно, всѣ увидѣли и до сихъ поръ хотятъ видѣть только «обличеніе». Гдѣ то, въ подпольѣ, есть такіе жалкіе, больные, несчастные, обиженные судьбой, ненормальные люди, которые въ своемъ бессмысленномъ озлобленіи доходятъ до геркулесовскихъ столбовъ отрицанія. И будто бы это только теперь, въ наше время появились такіе люди, а прежде ихъ совсѣмъ и не было. Правда, самъ Достоевскій много способствовалъ такого рода истолкованію, онъ даже подсказываетъ его въ сдѣланномъ имъ къ «Запискамъ» примѣчаніи. И, можетъ быть, онъ былъ при этомъ правдивъ и искрененъ. Истины, подобныя тѣмъ, которыя открылись подпольному человѣку, по самому своему происхожденію, таковы, что ихъ можно высказать, но нельзя и нѣтъ надобности дѣлать ихъ предметомъ общаго, постояннаго достоянія. Ихъ, какъ я уже указывалъ, не удастся сдѣлать своей собственностью даже тому, кому онѣ открылись. Самъ Достоевскій до конца своей жизни не зналъ достовѣрно, точно ли онъ видѣлъ то, о чемъ разсказалъ въ «запискахъ изъ подполья» или онъ бредилъ наяву, выдавая галлюцинаціи и призраки за дѣйствительность. Оттого такъ своеобразна и манера изложенія «подпольнаго» человѣка, оттого у него каждая послѣдующая фраза опровергаетъ и смѣется надъ

предыдущей. Оттого эта странная череда и даже смѣсь внезапныхъ, ничѣмъ не объясняемыхъ восторговъ и упоеній съ безмѣрными, тоже ничѣмъ необъяснимыми, отчаяніями. Онъ точно сорвался со стремнины и стремглавъ съ головокружительной быстротой, несется въ бездонную пропасть. Никогда не испытанное, радостное чувство полета и страхъ предъ беспочвенностью. предъ всепоглощающей бездной.

Отъ первыхъ же страницъ разсказа мы чувствуемъ, какая огромная, на наше сужденіе сверхъестественная (на этотъ разъ, быть можетъ, наше сужденіе насъ не обманываетъ — вспомните объ ангелѣ смерти) сила подхватила его. Онъ въ изступленіи, онъ «виѣ себя» (или, какъ обычно говорилъ Достоевскій, «не въ себѣ»), онъ мчится впередъ, самъ не зная куда, онъ ждетъ, самъ не зная чего. Прочтите отрывокъ, которымъ заканчивается первая глава записокъ: «Да-съ, человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и правственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ, дѣятель — существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ — это вся жизнь. Больше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безправственно! Кто живетъ дольше сорока лѣтъ — отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу, кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ сребровласымъ и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ проживу! До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти проживу! Постоите, дайте духъ перевести!»

III.

И точно, уже съ самого начала необходимо остановиться и перевести духъ. И каждую слѣдующую главу Достоевскій могъ бы закончить тѣми-же словами: дайте духъ пе-

рести. И у него самого, и у читателя духъ захватываетъ отъ той бурной и дикой стремительности съ какой «новыя» мысли вырываются изъ невѣдомыхъ до того глубинъ его встревоженной души. Онъ не знаетъ, что съ нимъ, зачѣмъ эти мысли. Не знаетъ даже мысли-ли это или просто навожденіе. Къ добру опѣ, ко злу? Спросить некого: на такіе вопросы никто не можетъ отвѣтить. Никто — ни другіе, ни самъ Достоевскій — не можетъ быть увѣренъ, что эти вопросы можно задавать, что они имѣютъ какой нибудь смыслъ. Но и отогнать ихъ нельзя и, даже кажется иной разъ, не нужно. Въ самомъ дѣлѣ, такая мысль: человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ, дѣятель — ограниченнымъ. Что это такое серьезное убѣжденіе или пустыя слова? На первый взглядъ и вопроса быть не можетъ: слова. Но позвольте напомнить, что одинъ изъ величайшихъ мыслителей древности, «всеми признанный» Плотинъ (о немъ Достоевскій, кажется, и не слышалъ) высказалъ ту-же мысль, хотя въ иной формѣ. И онъ утверждаетъ, что «дѣятель» всегда ограниченъ, что сущность дѣятельности — самоограниченіе. Кому не подъ силу, кто не хочетъ «думать», «созерцать», тотъ дѣйствуетъ. Но Плотинъ, такой же «изступленный», какъ и Достоевскій, эту мысль высказываетъ совершенно спокойно, какъ чуть-ли не что-то само собою разумѣющееся, всемъ извѣстное и всеми признанное. Можетъ быть, онъ и правъ: когда хочешь сказать таксе, что идетъ вразрѣзъ съ общепринятыми сужденіями, лучше всего совѣмъ и не повышать голоса. Проблематическое, даже совершенно невѣроятное, преподнесенное, какъ само собою разумѣющееся, часто принимается какъ и въ самомъ дѣлѣ очевидное. Впослѣдствіи и Достоевскій иной разъ пользовался такимъ пріемомъ, но сейчасъ онъ слишкомъ взволнованъ и встревоженъ нахлынувшими на него «откровеніями» и далеко не владѣетъ собой. Да и той школы, той опоры, которую имѣлъ за собой Плотинъ, у Достоевскаго не было. Плотинъ послѣдній въ пѣломъ рядѣ рожденныхъ Греціей великихъ мыслителей. За нимъ — чуть ли не тысячелѣтіе

напряженнѣйшаго философскаго творчества. Тутъ и стоики, и академики, тутъ Филоиъ Александрійскій, Аристотель, Платонъ, Сократъ, Парменидъ. Все величайшіе мастера и художники слова и міровые признанные авторитеты. Вѣдь и Платонъ зналъ «подполье» — только онъ назвалъ его пещерой и создалъ великолѣпную, прогремѣвшую на весь міръ, притчу объ людяхъ, какъ обитателяхъ пещеры. Но онъ это умѣлъ такъ сдѣлать, что никому и на умъ не пришло, что Платоновская пещера — есть подполье и, что Платонъ — ненормальный, болѣзненный озлобленный человѣкъ, по поводу котораго другимъ нормальнымъ людямъ полагается измышлять теоріи оздоровленія и т. п. А между тѣмъ съ Достоевскимъ въ подпольѣ произошло тоже, что и съ Платономъ въ «пещерѣ»: Явились «новые глаза» и тамъ гдѣ «всѣ» видѣли реальность, человѣкъ видитъ только тѣни и призраки, а въ томъ, что «для всѣхъ» не существуетъ — истинную, единственную дѣйствительность. Не знаю, кто достигъ больше своей цѣли: Платонъ, создавшій идеализмъ и покорившій себя человѣчество, или Достоевскій, рассказавшій о своихъ видѣніяхъ въ такой формѣ, что всѣ отшатнулись отъ подпольнаго человѣка. Я сказалъ «своей цѣли», но, пожалуй, я не точно, даже неправильно выразился. Едва-ли у Достоевскаго или Платона была опредѣленная, сознательная задача, когда одинъ говорилъ о пещерѣ, другой о подпольѣ. какъ едва-ли можно допустить сознательную цѣль у существа, впервые вырывающагося изъ небытія къ бытію. Цѣли приходятъ позже, много позже, а «въ началѣ» цѣли не бываетъ. Человѣка давить мучительное чувство небытія, чувство, которое на нашемъ языкѣ и не имѣетъ даже для себя особаго названія. Это то — неизреченнѣе, какъ принято говорить — но на самомъ дѣлѣ неизреченное, а еще не осуществившееся. Можетъ быть до нѣкоторой степени понятіе объ этомъ или хоть намекъ на это состояніе мы дадимъ, если скажемъ, что тутъ чувство абсолютной невыносимости того состоянія равновѣсія, законченности, удовлетворенности, въ которомъ обычное сознаніе — «многіе» у Платона или «всѣмство» (всѣ

мы) у Достоевскаго — видитъ идеаль челоѳческаго достиженія. Алтисенъ, счигавшій себя ученикомъ Сократа, говорилъ, что онъ лучше готовъ сойти съ ума, чѣмъ испытать чувство удовольствія. И Діогенъ, въ которомъ современники видѣли сопедшаго съ ума Сократа, тоже больше всего въ мїрѣ боялся равновѣсія и законченности. И, повидимому, жизнь Діогена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, полнѣе раскрываетъ предъ нами сущность Сократа, чѣмъ блестящіе діалоги Платона. Во всякомъ случаѣ тотъ, кто хочетъ постичь Сократа, долженъ по меньшей мѣрѣ столько же взглядываться въ отвратительное лицо Діогена, какъ и въ прекрасный, классическій образъ Платона. Сошедшій съ ума Сократъ, быть можетъ, и есть тотъ Сократъ, который больше всего о себѣ расскажетъ. Вѣдь здравомыслящій челоѳкъ — и умный и глупый — говоритъ не о себѣ, а о томъ, что можетъ быть нужно и полезно всѣмъ. Здравомыслящій челоѳкъ только потому и здравомыслящій, что онъ высказываетъ годныя для всѣхъ сужденія. И даже самъ видитъ только то, что всѣмъ и всегда нужно. Здравомыслящій челоѳкъ есть такъ сказать — «челоѳкъ вообще». И, быть можетъ, любопытнѣйшій парадоксъ исторіи, надъ которымъ очень бы слѣдовало задуматься философамъ, въ томъ, что Сократъ, бывшій менѣе всего «челоѳкомъ вообще» требовалъ отъ людей, чтобы они его считали челоѳкомъ вообще *par excellence* и ничего другого въ немъ не искали. Этотъ завѣтъ Сократа принялъ отъ него и осуществилъ Платонъ. И только циники — предшественники христіанскихъ святыхъ — пытались выдать мїру великую тайну Сократа. Но циники прошли безслѣдно въ исторіи. Исторія тѣмъ и замѣчательна, что она съ неслыханнымъ — почти сознательно челоѳческимъ искусствомъ замечаетъ слѣды всего необычайнаго и экстраординарнаго, происходившаго въ мїрѣ. Оттого-то и историки, т. е. тѣ люди, которые наиболѣе всего интересовались прошлымъ челоѳчества, особенно прочно убѣждены, что все въ мїрѣ происходило всегда «естественно» и по «достаточнымъ основаніямъ». Основная задача науки исторіи, какъ

ее понимали всегда и понимаютъ сейчасъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобы возсоздать прошлое какъ непрерывную цѣпь причинно межъ собой связанныхъ событій. Для историковъ Сократъ былъ и долженъ былъ быть только человекомъ вообще. То, что въ немъ было собственно Сократовскаго, «не имѣло будущаго» и потому для историка какъ бы и не существовало. Историкъ цѣнитъ только то, что попадаетъ въ рѣку времени и питаетъ ее, а остальное его не касается. Онъ даже убѣжденъ, что остальное безслѣдно исчезаетъ. Вѣдь это «остальное», то, что изъ Сократа дѣлало Сократа, не есть ни матерія, ни энергія, которая оберегается отъ гибели никѣмъ не созданными, а потому вѣчными законами. Собственно Сократъ для историка это то, что ничѣмъ не охранено. Пришелъ — ушелъ. Былъ — нѣтъ. Это ни въ какой, ни въ земной, ни во вселенской экономіи учету не подлежитъ. Важенъ Сократъ «дѣятель», тотъ, который оставилъ послѣ себя слѣды въ потокѣ общественнаго бытія. «Мысли» Сократа намъ нужны и теперь. Нужны и нѣкоторые поступки и дѣла его, которые могутъ служить образцомъ для другихъ—какъ, напр., его мужество и спокойствіе въ часъ смерти. Но самъ Сократъ — развѣ онъ кому нибудь нуженъ? Оттого онъ и исчезъ безслѣдно, что никому не нуженъ. Былъ бы нуженъ, былъ бы и «законъ», надежно его охраняющій. Есть, вѣдь, «законы» сохраненія матеріи, не допускающей, чтобъ хоть одинъ атомъ превратился въ небытіе!

IV.

Глазами историка, естественными глазами смотрѣлъ и Достоевскій на жизнь. Но когда явились вторые глаза, онъ увидѣлъ другое. «Подполье» — это вовсе не та мизерная конура, куда Достоевскій помѣстилъ своего героя, и не его одиночество, полнѣе котораго не бываетъ ни подъ землей, ни на днѣ морскомъ, выражаясь языкомъ Толстого. Наоборотъ — это нужно себѣ всегда повторять — Достоевскій ушелъ въ одиночество, чтобъ спастись, по крайней мѣрѣ попытаться спастись отъ того подполья (по Платоновски—

пещеры), въ которомъ обречены жить «всѣ» и въ которомъ эти же всѣ видятъ единственно дѣйствительный и даже единственно возможный міръ, т. е. міръ оправданный разумомъ. То-же наблюдаемъ мы и у средневѣковыхъ монаховъ. И они больше всего боялись того «равновѣсія» душевнаго, въ которомъ нашъ разумъ увѣренно видитъ послѣднюю земную цѣль. Аскетизмъ и самобичеванія имѣли своей задачей отнюдь не умерщвленіе плоти, какъ это обычно думаютъ. Монахи и пустынники, изнурявшіе себя постомъ, бдѣніемъ и т. п. «трудами», прежде всего стремились вырваться изъ того всѣмства, о которомъ говорить у Достоевскаго подпольный человѣкъ и которое на школьномъ философскомъ языкѣ называется «сознаніе вообще». Основное правило ехегеса *spiritualia* формулируется Игнатіемъ Лойолой въ слѣдующихъ словахъ: *quanto se magis reperit anima segregatam et solitariam, tanto aptiorem se ipsam reddit ad quaerendum intelligendumque Creatorem et Dominum suum*¹⁾.

Всѣмство — главный врагъ Достоевскаго, то «всѣмство», безъ котораго люди считаютъ существованіе совершенно невысказаннымъ. Еще Аристотель провозгласилъ: человѣкъ, который ни въ комъ не нуждается, есть либо Богъ, имѣющій все въ себѣ самомъ, либо дикій звѣрь. Достоевскій, какъ и спасавшіе свою душу святые, всегда слышалъ какой то таинственный голосъ: дерзай, ступай въ пустыню, въ одиночество. Будьшь либо звѣремъ, либо богомъ. При чемъ впередъ ничего не извѣстно. Прежде откажись отъ всѣмства, а тамъ — видно будетъ. Впрочемъ, повидимому даже и того хуже: если откажешься отъ всѣмства, то сперва превратишься въ звѣря и только потомъ—когда потомъ, этого никто не знаетъ—наступитъ, и то неавѣрное, послѣднее великое превращеніе, возможность котораго Аристотель допускалъ, конечно, лишь затѣмъ, чтобы не отказаться отъ полноты теоретической формулировки. Развѣ не очевидно, не самоочевидно, что человѣкъ можетъ обратиться въ дикаго

¹⁾ Чѣмъ больше отдѣляется и уединяется душа, тѣмъ бо тѣе способней становится она искать и постигать Творца и Господа своего.

звѣря, по уже богомъ ему не дано стать? Общечеловѣческій опытъ, опытъ нашего многотысячелѣтнаго историческаго существованія съ достаточной убѣдительностью подтверждаетъ общія соображенія разума: въ звѣрей люди сплошь и рядомъ обращаются — и въ какихъ грубыхъ, тупыхъ, дикихъ звѣрей — боговъ же среди людей еще не было. И личный опытъ «подпольнаго» человѣка таковъ-же. Прочтите его собственныя признанія. На каждой почти страницѣ онъ рассказываетъ про себя почти невѣроятныя вещи, въ которыхъ, пожалуй, и дикій звѣрь постыдился бы признаться. «На дѣлѣ мнѣ надо знаснѣ чего: чтобъ вы провалились, вотъ чего. Мнѣ надо спокойствія. Да, я за то, чтобъ меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копѣйку продамъ. Свѣту-ли провалиться или чтобъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ всегда чай пить. Знала-ли ты это или нѣтъ? Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлецъ, себялюбецъ, лѣнтяй.» И на слѣдующей страницѣ еще: « я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочный, самый завистливый, самый глупый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ». Такими признаніями пересыпаны всѣ «записки». И, если вамъ угодно, можете добавить отъ себя сколько придется въ голову превосходныхъ степеней отъ разныхъ унизительныхъ словъ: подпольный человѣкъ ни отъ чего не откажется, все приметъ и еще поблагодаритъ васъ за изобрѣтательность. Но не торопитесь торжествовать надъ нимъ: такія же признанія вы найдете въ книгахъ и исповѣдяхъ величайшихъ святыхъ. Всѣ они считали себя «самыми» — непремѣнно с а м ы м и — безобразными, гнусными, пошлыми, слабыми, бездарными существами на свѣтѣ. Бернардъ Клервосскій, св. Тереза, ся ученикъ Джіованни дель Кроче и кто угодно изъ святыхъ до конца своей жизни в сѣ были въ безумномъ ужасѣ отъ своей ничтожности и грѣховности. Весь смыслъ христіанства и вся та великая жажда искупленія, которая была главнымъ двигателемъ духовной жизни ранняго и поздняго средневѣковья, родилась изъ такого рода прозрѣній. *Cur deus homo?* Почему понадобилось Богу стать человѣ-

комъ и вынести всё тѣ неслыханныя муки и надруганія, о которыхъ повѣствуютъ Евангелія? Вѣдь только потому, что иначе нельзя было спасти и искупить мерзость и пичтожность человѣка. Такъ безмѣрно велика человѣческая низость, такъ глубоко палъ человѣкъ, что никакими земными сокровищами нельзя было уже искупить вину его — ни золотомъ, ни серебромъ, ни гекатомбами, ни даже дѣлами величайшаго подвижничества. Потребовалось, чтобъ Богъ отдалъ своего единственнаго сына, потребовалась такая жертва изъ жертвъ — иначе нельзя было спасти грѣшника. Такъ вѣрили, такъ видѣли, такъ буквально говорили святые. То-же увидѣлъ и Достоевскій, когда отлетѣлъ отъ него ангелъ смерти, оставивъ ему непримѣтно новые глаза. Въ этомъ смыслѣ «записки изъ подполья» могутъ быть лучшимъ комментариемъ къ писаніямъ прославленныхъ святыхъ. Я не хочу этимъ сказать, что Достоевскій излагалъ «своими словами» то, о чемъ узналъ изъ чужихъ книгъ. Еслибъ онъ ничего и не слышалъ о жизни святыхъ, онъ все же написалъ-бы свои «записки». И есть всё основанія думать, что въ то время, когда онъ описывалъ подполье, онъ очень мало зналъ книги святыхъ. Это обстоятельство придаетъ особую цѣнность «запискамъ». Достоевскій не чувствуетъ за собой рѣшительно никакого авторитета и поддерживающаго его преданія. Онъ говоритъ за свой страхъ и ему кажется, что онъ одинъ только, впервые съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, увидѣлъ то необычайное, что ему открылось. «Я одинъ — а они всё», съ ужасомъ восклицаетъ онъ. Вырванный изъ «всѣмства», изъ того единственно реальнаго міра, который свою реальность только на всѣмствѣ и основываетъ, ибо какое другое основаніе міръ могъ когда либо отыскать для себя — Достоевскій точно повисъ въ воздухѣ. Почва ушла изъ подъ его ногъ и онъ не знаетъ, что это такое: начало гибели или чудо новаго рожденія. Можетъ-ли человѣкъ существовать, не опираясь ни на что, или ему предстоитъ самому въ ничто обратиться, разъ онъ утратилъ подъ ногами почву? Древніе говорили, что боги тѣмъ отличаются отъ смертныхъ, что

никогда не касаются погами земли, что имъ не нужна опора, почва. Но то — боги. да еще притомъ древніе, языческіе боги т. е. мифологическіе, сказочные, выдуманные боги, такъ основательно высмѣянные современной научной мыслью....

Достоевскій все это знаетъ, какъ и всякій другой, лучше, чѣмъ всякій другой. Знаетъ, что и древніе боги и новый Богъ давно уже выведены разумомъ за предѣлы возможнаго опыта и превращены въ чистыя идеи. Современная ему русская литература возвѣстила это со всей торжественностью, которая допускалась тогдашней цензурой. Да и западно европейская литература съ ея философскими столпами, Кантомъ и Контомъ, была достаточно открыта Достоевскому, хотя ни Канта ни Конта онъ никогда не читалъ. Да въ чтеніи и надобности не было. «Предѣлы возможнаго опыта», девизъ XIX столѣтія, передавшійся по наслѣдству и нашему столѣтію, какъ глубочайшее прозрѣніе научной мысли, стояли китайской стѣной предъ человѣческой пытливостью. Ни для кого не было сомнѣнія, что есть нѣкій «опытъ», коллективный и даже соборный опытъ человечества, и что намъ дано постигнуть только то, что не выходитъ за его предѣлы, точно опредѣляемые нашимъ разумомъ. И вотъ этотъ «возможный опытъ» и его «предѣлы», какъ они рисовались Канту и Конту, показались Достоевскому вновь возведенной кѣмъ то тюремной оградой. Страшны были стѣны прежней каторжной тюрьмы. Но изъ за нихъ видѣлся все таки хоть краешекъ неба. А за предѣлами возможнаго опыта не было ничего видно. Тутъ былъ послѣдній конецъ, завершеніе, — дальше уже некуда было итти. Стѣна съ Дантовской надписью: *lasciate ogni speranza*.

V.

Въ «Запискахъ изъ мертваго дома» Достоевскій много рассказываетъ о безсрочныхъ каторжныхъ и объ ихъ отчаянныхъ попыткахъ побѣга. Знаетъ человѣкъ, чѣмъ риску-

еть и что ставить на карту. И какъ мало надежды на удачу. И все же рѣшается. Уже въ каторгѣ Достоевскаго больше всего привлекали рѣшительные люди, которые умѣютъ ни предъ чѣмъ не останавливаться. Онъ всячески старался разгадать ихъ психологію — но разгадать ему такъ и не удалось. И не потому, чтобъ у него не хватило наблюдательности или проницательности или что мысль его недостаточно напряженно работала, а потому, что тутъ разгадки и быть не можетъ. «Рѣшительность» ничѣмъ не «объяснишь». Достоевскій могъ только констатировать, что вездѣ мало рѣшительныхъ людей, мало ихъ и въ каторгѣ. Правильнѣй было бы сказать, что рѣшительныхъ людей совсѣмъ и не бываетъ, а бываютъ только великія рѣшенія, которыя «понять» нельзя т. к. они обыкновенно ни на чемъ не основаны и, по существу своему, исключаютъ всякія основанія. Они не подходятъ ни подъ какое правило, они потому «рѣшенія» и потому «великія», что идутъ мимо и внѣ правилъ, а стало быть и всякихъ возможныхъ объясненій. Въ бытность свою въ каторгѣ Достоевскій еще не далъ себѣ въ этомъ отчета. Онъ вѣрилъ, какъ и всѣ, что есть предѣлы человѣческаго опыта и что предѣлы эти опредѣляются вѣчными, ненарушимыми принципами. Но въ «запискахъ изъ подполья» ему открылась новая, неслышанная истина: такихъ вѣчныхъ принциповъ — нѣтъ. И законъ достаточнаго основанія, которымъ эти принципы держатся, только самовнушеніе влюбленной въ себя и обоготворившей себя ограниченности. «Предъ стѣной непосредственные люди и дѣтели искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна не отводъ, какъ для насъ, не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который обыкновенно любятъ брать и самъ не вѣрять, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всей искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что то успокоительное, нравственно разрѣшающее и окончательное, пожалуй, даже что то мистическое... Ну-съ, такого то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать природа, любезно за-рождая его на землѣ. Я такому человѣку до крайней мѣры

завидую. Опъ глупъ, я въ этомъ съ вами и не спорю, но можетъ быть нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть даже это очень красиво». Вдумайтесь въ эти слова, они стоятъ того, чтобъ въ нихъ вдуматься. Это не мимолетный, дразнящій парадоксъ — это великое философское откровеніе, постигнутое Достоевскаго. Конечно, оно выражено, какъ и всё «новыя» мысли подпольнаго человѣка, не въ формѣ отвѣта, а въ формѣ вопроса. И притомъ неизбежное «можетъ быть», какъ бы умышленно затѣмъ и приставленное, чтобъ превратить зарождающіеся отвѣты въ новый, недопускающій никакого отвѣта вопросъ. Можетъ быть нормальному человѣку полагается быть глупымъ! Можетъ быть это даже красиво! И дальше — все тоже: вездѣ ослабляющее, дискредитирующее мысль «быть можетъ», тотъ невыносимый для здраваго смысла дрожащій, мигающій полусвѣтъ, при которомъ исчезаетъ всякая опредѣленность очертаній и стираются границы между предметами, до того стираются, что не знаешь, гдѣ кончается одинъ и начинается другой. Увѣренность въ себѣ пропадаетъ, твердое движеніе въ опредѣленномъ направленіи становится невозможнымъ. И самое главное — вдругъ это незнаніе начинаетъ казаться не проклятіемъ, а благодатнымъ даромъ... «О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ... если бы его просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы.., тотчасъ же сталъ бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ бы въ добрѣ собственную выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно, такъ сказать, по необходимости сталъ бы дѣлать добро? О младенецъ, о чистое, невишное дитя!.. Выгода! Что такое выгода? А что, если такъ случится, что человѣческая выгода и н о й р а з ъ не только можетъ, но и должна именно въ томъ и состоять, что въ иномъ случаѣ себѣ худого пожелать, а не выгоднаго? А, если такъ, если можетъ быть такой случай, то

все правило прахомъ пошло». Что привлекаетъ Достоевскаго? Авось, внезапность, потемки, своеволие — какъ разъ все то, что здравымъ смысломъ и наукой почитается какъ нѣчто не существующее, или существующее отрицательно. Достоевскому хорошо извѣстно, что думаютъ всѣ. Знаетъ онъ тоже, хотя онъ и не былъ знакомъ съ ученіями философъ, что съ древнѣйшихъ временъ неуваженіе къ правилу считалось величайшимъ преступленіемъ. И вотъ страшное подозрѣніе закралось въ его душу; что, если именно въ этомъ люди всегда заблуждались?!

Пора итетьно, что, не имѣя никакой научно-философской подготовки, онъ такъ вѣрно разглядѣлъ, въ чемъ основная, вѣковѣчная проблема философіи. «Записки изъ подполья» не обсуждаются и даже не называются по имени ни въ одномъ философскомъ учебникѣ. Нѣтъ иностранныхъ словъ, нѣтъ школьной терминологіи, нѣтъ академическаго штемпеля: значитъ не философія. На самомъ же дѣлѣ если была когда-либо написана «Критика Чистаго Разума», то ее нужно искать у Достоевскаго — въ «Зап. изъ подполья» и въ его большихъ романахъ, цѣликомъ изъ этихъ записокъ бышедшихъ. То, что намъ далъ Кантъ подъ этимъ заглавіемъ, есть не критика, а апологія чистаго разума. Кантъ не дерзнулъ критиковать разумъ, несмотря на то, что, какъ ему казалось, онъ, благодаря Юму, проснулся отъ догматической дремоты. Какъ онъ поставилъ вопросъ? Есть наука математика, есть науки естественныя — возможна ли наука метафизика, логическая конструкція которой была бы той же, что и логическая конструкція у ж е о п р а в д а в ш и хъ себя положительныхъ наукъ. Это онъ считалъ критикой! И пробужденіемъ! Но вѣдь прежде всего, если уже онъ хотѣлъ критиковать и проснуться, нужно было поставить вопросъ о томъ, оправдали-ли себя точно «положительныя» науки и вправдѣ ли онѣ называть свое знаніе знаніемъ? Не есть-ли то, чему онѣ насъ учатъ, обманъ и иллюзія? Такого вопроса онъ не ставитъ: настолько онъ не пробудился отъ своего ученаго сна. Онъ «убѣжденъ», что положительные науки «оправдали» себя «успѣхомъ» т. е.

тѣми «выгодами», котрыя онѣ принесли людямъ — стало быть. онѣ суду не подлежатъ, а сами — судятъ. И если метафизика хочетъ существовать—она должна предварительно испросить санкціи и благословенія у математики и естествознанія.

Дальнѣйшее извѣстно: оправдавшія себя «успѣхомъ» науки стали науками только благодаря тому, что въ ихъ распоряженіи былъ рядъ «принциповъ», «правилъ» съ релігійескія сужденія à priori. Правиль незыблемыхъ, всеобщихъ и необходимыхъ, отъ власти которыхъ не можетъ освободить, по мнѣнію Канта, смертнаго никакое пробужденіе. А такъ какъ эти правила примѣнимы въ «предѣлахъ возможнаго опыта», а за этими предѣлами непримѣнимы, то стало быть метафизика, которая стремится (по мнѣнію Канта) къ запредѣльному, невозможна. Такъ рассудилъ Кантъ, воплотившій въ свои сужденія всю практику научнаго мышленія историческаго человѣчества. Достоевскій, хотъ онъ о Кантѣ не имѣлъ никакого представленія, поставилъ тотъ-же вопросъ — по прозрѣнію его было много глубже. Кантъ глядѣлъ на міръ общими человѣческими глазами. У Достоевскаго были, какъ мы знаемъ, «свои» глаза.

У Достоевскаго не положительныя науки судятъ метафизику, а метафизика — положительныя науки. Кантъ спрашиваетъ: возможна-ли метафизика? Если возможна, будемъ продолжать попытки нашихъ предшественниковъ, если невозможна — бросимъ, возлюбимъ нашу ограниченность и поклонимся ей. Возможность—естественный предѣлъ—въ немъ есть нѣчто успокаивающее, даже мистическое. Это—вѣчная истина: *veritas aeterna*. Само католичество, опирающееся на откровеніе, учитъ: *Deus impossibilia non jubet*.

— Богъ не требуетъ невозможнаго. Но тутъ то и проявляется себя «второе зрѣніе». Подпольный человѣкъ, тотъ подпольный человѣкъ, который со столь ужасающей искренностью заявилъ намъ, что онъ хуже всѣхъ людей на свѣтѣ, вдругъ, самъ не зная по какому праву, срывается со

своего мѣста и рѣзкимъ дикимъ, отвратительнымъ (все въ подпольномъ человѣкѣ отвратительно), не своимъ голосомъ (у подпольнаго человѣка не свой голосъ, какъ и глаза у него не свои) кричать: ложь, обманъ! Богъ требуетъ невозможнаго. Богъ только требуетъ невозможнаго. Это «всѣ вы» пасуете предъ стѣной, и видите въ стѣнѣ что то успокаивающее, окончательное, даже, какъ католики, мистическое. Но я вамъ заявляю, что ваши стѣны, ваше «невозможное» только предлогъ и отводъ и вашъ Богъ, тотъ Богъ, который не требуетъ невозможнаго, есть не Богъ, а гнусный идолъ — одна изъ тѣхъ большихъ или малыхъ выгодъ, дальше которыхъ вы никогда не шли и не пойдете. Метафизика невозможна! Стало быть — ни о чемъ, кромѣ метафизики ни думать, ни говорить не буду... «У меня, господа, есть пріятель... Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложить вамъ велегрѣчиво и ясно, какъ именно нужно поступить ему по законамъ разсудка и истины. Мало того, съ волненьемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ, человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укорить близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели, и—ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго посторонняго повода, а именно почему-то внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, выкинетъ совершенно другое колѣно т. е. явно пойдетъ противъ всего, объ чемъ самъ и говорилъ: и противъ законовъ разсудка и противъ собственной выгоды, ну, однимъ словомъ, противъ всего. Противъ какого-такого «всею»? И что это за «внутреннее», которое сильнѣе всѣхъ «интересовъ»? «Все» — это, выражаясь школьнымъ языкомъ, законы разсудка и совокупность «очевидностей». «Внутреннее» — «ирраціональный остатокъ», находящійся за предѣлами возможнаго опыта. Ибо, тотъ опытъ, съ котораго, по Канту (Кантъ — нарицательное имя; Кантъ это всѣмство, всѣ мы) начинается всякое знаніе и изъ котораго выросла наша наука, не включаетъ и не хочетъ включить то «внутреннее», о которомъ говорить Достоевскій. «Опытъ»

Канта есть коллективный опытъ челоѣчества и только популярное, торопливое истолкованіе смѣшиваетъ его съ фактами матеріальнаго или духовнаго бытія. Иначе говоря, этотъ «опытъ» уже непременно предполагаетъ готовую теорію, т. е. систему правилъ, законовъ, о которыхъ Кантъ, конечно, правду сказалъ, что не природа людямъ, а люди природѣ диктуютъ законы. Но тутъ то и начинается коренное расхожденіе и взаимное «непониманіе» между школьной философій съ одной стороны и устремленіями Достоевскаго — съ другой. Какъ только Кантъ слышитъ слово «законъ» — онъ обнажаетъ голову: не смѣетъ и не хочетъ спорить. Разъ диктуются законы, значитъ — власть, разъ власть, значитъ нужно покориться, ибо высшая добродѣтель челоѣка въ покорности. Но конечно, не живой «челоѣкъ» диктуетъ законы природѣ. Такой челоѣкъ и самъ только природа т. е. то, что подчиняется. Высшая, послѣдняя, окончательная власть принадлежитъ «челоѣку вообще» т. е. началу идеальному, равно далекому и отъ одушевленнаго существа и отъ неодушевленнаго тѣла. Иначе говоря: надъ всѣмъ, что есть, стоитъ принципъ, правило, законъ. Наибольше адекватное, хотя и не столь соблазнительное выраженіе Кантовской мысли было бы: не природа и не челоѣкъ диктуетъ законы, а природѣ и челоѣку диктуются законы законами-же. Иначе говоря: въ началѣ былъ законъ. Если бы Кантъ такъ выразилъ свое основное положеніе, онъ былъ бы ближе и къ научному міровоззрѣнію, которое онъ стремился оправдать, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обычному здравому смыслу, изъ котораго научное міровоззрѣніе и выросло. Тогда бы исчезла разница между теоретическимъ и практическимъ разумомъ, т. е. былъ бы достигнутъ философскій идеаль: «Поступай такъ, чтобъ принципъ твоего поведенія могъ стать всеобщимъ закономъ». Т. е. «правило» есть то, чѣмъ оправдывается поступокъ, подобно тому какъ въ правилѣ выражается и истина. И природа, и мораль выросли изъ правилъ, изъ автономныхъ, самодовлѣющихъ принциповъ, которые одни имѣютъ надъэмпирическое, вѣчное бытіе. Повторяю еще разъ: Кантъ не самъ все

это выдумалъ — онъ только отчетливѣе формулировалъ то, къ чему привела людей научная мысль. вмѣсто сонма свободныхъ, — невидимыхъ духовъ, индивидуальныхъ и капризныхъ, которыми мифологія населила міръ, наука создала новый міръ призраковъ — принциповъ, всегда собѣ равныхъ и неизмѣнимыхъ и въ этомъ усмотрѣла окончательное преодоленіе древняго суевѣрія. Въ этомъ сущность идеализма, въ этомъ современность видитъ высшее, послѣднее достиженіе.

Достоевскій, хотя и не имѣлъ профессиональной подготовки, съ необычной чуткостью понялъ, какъ долженъ быть поставленъ основной вопросъ философіи. Возможна ли метафизика, какъ наука?

Но во 1-хъ, почему метафизика должна быть наукой? Во 2-хъ, какой смыслъ въ нашихъ устахъ имѣетъ слово «возможный»? Наука предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, то, что Достоевскій называлъ «всѣмствомъ» т. е. всѣми признанныя сужденія. Есть такія всѣми признанныя сужденія и эти сужденія имѣютъ огромныя, сверхъестественныя преимущества предъ сужденіями, не принятыми всѣми — только онѣ называются истинными. Достоевскій превосходно понималъ, почему наука и здравый смыслъ такъ гонятся за всеобщими и необходимыми сужденіями. «Факты» сами по себѣ не «обогащаютъ» насъ, не приносятъ никакихъ выгодъ. Что съ того, если мы подмѣтили, что камень согрѣлся на солнцѣ, кусокъ дерева держался на водѣ, нѣсколько глотковъ воды утолили жажду и т. п. Наукѣ отдѣльные факты не нужны, она даже и не интересуется ими. Ей нужно то, что факты чудеснымъ образомъ превращаются въ «опытъ». Когда я получаю право сказать: солнце всегда согрѣваетъ камень, дерево никогда не тонетъ въ водѣ, вода всегда утоляетъ жажду и т. п., только тогда добывается научное знаніе. Иначе говоря: знаніе становится знаніемъ лишь по столько, по сколько мы въ фактѣ открываемъ «чистый» принципъ, то невидимое глазу «всегда», тотъ всемогущій призракъ, который унаслѣдовалъ власть и права изгнанныхъ изъ міра боговъ и демоновъ. То-же что въ физи-

ческомъ мірѣ, наблюдаемъ мы и въ мірѣ нравственномъ. И тамъ мѣсто боговъ заняли принципы: уничтожьте принципы — и все смѣшается, не будетъ ни добра, ни зла, подобно тому, какъ и въ мірѣ вѣишемъ, если исчезнутъ законы, все что угодно будетъ возникать изъ всего чего угодно. Само представленіе объ истинѣ и лжи, о добрѣ и злѣ предполагаетъ вѣчный, неизмѣнный порядокъ. Это и стремится выявить наука, создавая теорію. Если мы знаемъ, что солнце не можетъ не согрѣть камень, дерево не можетъ тонуть въ водѣ, что вода необходимо утоляетъ жажду, т. е. если мы можемъ наблюдательный фактъ превратить въ теорію, поставивъ его подъ охрану невидимаго, но вѣчнаго, никогда не возникшаго и потому никогда не могущаго исчезнуть, закона — у насъ есть наука. То-же нужно сказать и о морали. И она держится только закономъ: всѣ должны поступать такъ чтобы въ поступкахъ ихъ проявлялась безусловная готовность подчиниться правилу. Только при такомъ условіи возможно социальное существованіе человѣка. Все это Достоевскій зналъ превосходно, хотя въ исторіи философіи былъ настолько несвѣдущъ, что ему казалось, будто идея «чистаго разума», какъ единственнаго властителя и господина вселенной, была изобрѣтена въ самое послѣднее время и творцомъ ея былъ Клодъ Бернаръ. И что, тоже въ самое послѣднее время, кто-то, повидимому все тотъ же Клодъ Бернаръ — выдумалъ новую науку «эеику», которая окончательно рѣшила, что и надъ людьми единственный хозяинъ все тотъ-же законъ, навсегда вытѣснившій Бога. Достоевскій умышленно влагаетъ свои собственныя философскія размышленія въ уста невѣжественнаго Димитрія Карамазова. Образованные люди—даже Иванъ Карамазовъ—всѣ на сторонѣ Клода Бернара съ его «эеикой» и «законами природы». Очевидно, что отъ его проникательности не укрылось то обстоятельство что научная вышколенность ума въ какомъ то смыслѣ парализуетъ человѣческія силы и обрекаетъ насъ на ограниченность. Конечно, онъ могъ объ этомъ прочесть, и въ Библии. Но, кто не читалъ и не знаетъ Библии? Навѣрное, и

Клодь Бернаръ, и тѣ у кого Клодь Бернаръ учился, читали Библию. Но, неужели въ этой книгѣ искать философской истины? Въ книгѣ невѣжественныхъ, почти не затронутыхъ культурой людей? Другого выхода Достоевскій не находить. И ему пришлось, вслѣдъ за бл. Августиномъ, воскликнуть: *Surgunt indocti et rapiunt coelum* — Богъ вѣсть откуда приходятъ невѣжественные люди и восхищаютъ небо.

VI.

— *Surgunt indocti et rapiunt coelum!* Чтобъ восхитить небо, нужно отказаться отъ учености, отъ основныхъ идей, которыя мы впитали въ себя съ молокомъ матери. Больше того, нужно отказаться, какъ мы могли уже убѣдиться изъ приведенныхъ цитатъ, вообще отъ идей, т. е. усумниться въ той чудотворной ихъ силѣ, при посредствѣ которой онѣ превращаютъ факты въ «теорію». Научное мышленіе надѣлило идеи высшей прерогативой: онѣ рѣшали и судили, что возможно и что невозможно, онѣ опредѣляли границу между дѣйствительностью и мечтой, между добромъ и зломъ, должнымъ и не должнымъ. Мы помнимъ первый бѣшеный, безудержный наскокъ подпольнаго человѣка на застывшія въ сознаниі своихъ суверенныхъ, неотъемлемыхъ правъ самоочевидности. Слушайте дальше — но забудьте и думать, что вы имѣете дѣло съ оплеваннымъ, ничтожнымъ пѣтербургскимъ чиновникомъ. Діалектика Достоевскаго, какъ въ «Запискахъ изъ подполья» такъ и въ другихъ его произведеніяхъ, можетъ быть свободно поставлена наряду съ діалектикой какого угодно изъ признанныхъ европейскихъ философовъ, а по смѣлости мысли — я этого не боюсь сказать—едва ли многіе изъ избранниковъ челоѣчества сравнятся съ нимъ. Что-же до самопрезрѣнія—еще разъ повторю — онъ дѣлитъ его со всеми святыми всего міра... «Продолжаю о людяхъ съ крѣпкими нервами... Эти господа... предъ невозможностью тотчасъ же смиряются. Невозмож-

ность — значить каменная стѣна! Какая каменная стѣна? Ну, разумѣется, законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, напримѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ нечего морщиться и, принимай какъ есть. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что, въ сущности, одна капелька твоего собственного жиру тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ, такъ ужъ принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды два—математика. Попробуйте возражать! — Помилуйте, закричать вамъ, возражать нельзя: это дважды два четыре! Природа васъ не спрашивается: ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній и до того, нравятся ли вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а, слѣдовательно, и всѣ ея результаты. Стѣна, значить и есть стѣна и т. д. и т. д. Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему нибудь эти законы не нравятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что эта каменная стѣна, а у меня силъ не хватило. Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе и вправду заключаетъ хоть какое нибудь слово на миръ, единственно потому, что она дважды два четыре! О нелѣпость нелѣпостей! То ли дѣло все понимать, все сознать, всѣ возможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ стѣнъ, если вамъ мерзить примириться; дойти путемъ самыхъ неизбежныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ будто чѣмъ то самъ виновать, хотя опять таки до ясности очевидно, что вовсе не виновать, и вслѣдствіе этого, молча и бессильно скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть, никогда и не найдется, что тутъ подмѣнь и шулерство, что тутъ просто бурда, — неизвѣстно что и неизвѣстно кто; но несмотря на всѣ эти неизвѣстности, у васъ все таки болитъ, и чѣмъ больше неизвѣстно,

тѣмъ больше болить»... Можетъ быть, вы уже устали слѣдить за Достоевскимъ и за его отчаянными попытками преодолѣть непреодолимья самоочевидности? Вы не знаете, серьезно ли онъ говоритъ или дразнить васъ изопренной софистикой. Ну, можно ли въ самомъ дѣлѣ не пасовать предъ стѣной? Противупоставлять природѣ, которая дѣлаетъ свое, не спрашивая насъ, наше слабое, ничтожное я, да еще при томъ самоувѣренно квалифицировать сужденія, такую возможность отрицающія, какъ «нелѣдность нелѣпостей»? Но вѣдь Достоевскій и усомнился въ томъ, вправдѣ ли нашъ разумъ судить о возможномъ и невозможномъ. Такого вопроса «теорія познанія» не ставитъ. Ибо, если разуму не дано судить о возможномъ и невозможномъ, то кому же тогда судить? Тогда, стало быть, все — возможно, и все — невозможно. А тутъ Достоевскій, словно насмѣхаясь надъ нами, и самъ признаетъ, что силъ-то у него нѣтъ, чтобъ пробить стѣну. Значитъ признаетъ какую-то невозможность, какіе-то предѣлы. Затѣмъ же онъ только что утверждалъ противуположное? Вѣдь такимъ образомъ мы придемъ уже къ абсолютному хаосу или даже не къ хаосу, а къ какому-то грандіозному ничто, въ которомъ вмѣстѣ съ правилами, законами и идеями исчезнетъ и всякая дѣйствительность. Но, повидимому, за извѣстными гранями приходится и такое испытать. Человѣкъ, освобождающійся отъ кошмарной власти постороннихъ идей, подходитъ къ чему-то столь необычному и столь новому, что ему должно казаться, что онъ выпелъ изъ области дѣйствительности и подошелъ къ вѣчному, изначальному небытію. Достоевскій былъ не первымъ изъ людей, которому пришлось испытать это невообразимо страшное чувство перехода въ нпобытійное существованіе, состояніе человѣка, вынужденнаго отказаться отъ той опоры, которая намъ дается «принципами». За полторы тысячи лѣтъ до него величайшій философъ Плотинъ, тоже подобно Достоевскому попытавшійся взлетѣть надъ навимъ «онитомъ» — знаніемъ, рассказываетъ, что первое впечатлѣніе отъ этого влета такое, будто все исчезло, и безумный страхъ, что оста-

лось только чистое ничто. Прибавлю, что Плотинъ не въ-
рассказалъ и, пожалуй, главное утаилъ. Повидимому, не
только первое, но и второе и всѣ послѣдующія впечатлѣ-
нія остаются такія-же. Душа, выброшенная за нормальныя
предѣлы, никогда не можетъ отдѣлаться отъ безумнаго
страха, что бы намъ ни передавали объ экстаическихъ
восторгахъ.

Тутъ восторгъ не погашаетъ и не исключаетъ ужасовъ.
Тутъ эти состоянія органически связаны: чтобъ былъ вели-
кій восторгъ, пужень великій ужасъ. И пужно сверхъесте-
ственное душевное напряженіе, чтобъ человѣкъ дерзнулъ
противупоставить себя всему міру, всей природѣ и даже
послѣдней самоочевидности: «все» не считается со мною,
но и я не считаюсь съ «всѣмъ». Пусть «все» торжествуетъ.
Достоевскому доставляетъ даже особаго рода наслажденіе:
повѣствовать о своихъ непрерывныхъ пораженіяхъ и неуда-
чахъ. Никто ни до него, ни послѣ не описывалъ съ та-
кой томительной, выматывающей душу обстоятельностью
униженія и муки раздавленнаго «самоочевидностями» че-
ловѣка. Достоевскій не успокаивается, пока ему не удаст-
ся вырвать у самого себя признанія: «да развѣ сознающій
человѣкъ можетъ уважать себя». И точно, кто можетъ ува-
жать бесиліе и ничтожество? А всѣ «Записки» только и
свидѣтельствуютъ что о бесиліи и униженіяхъ. Подпольна-
го человѣка браляютъ, выгалкиваютъ, бьютъ, что угодно съ
нимъ дѣлаютъ. А онъ словно ищетъ случая еще, еще и еще
«претерпѣть». Точно, чѣмъ больше его оскорбляютъ, уни-
жаютъ, уничтожаютъ — тѣмъ ближе онъ къ своей завѣт-
ной цѣли. А цѣль одна, какъ мы знаемъ: вырваться изъ
пещеры, изъ того замороженнаго царства, гдѣ пады человѣ-
комъ господствуютъ законы, принципы, самоочевидности—
изъ «идеальнаго» царства «здоровыхъ» и «нормальныхъ»
людей. Подпольный человѣкъ — самое несчастное, жалкое,
обиженное существо. Но «нормальный» человѣкъ, т. е. че-
ловѣкъ, живущій въ томъ же подпольѣ, только и не до-
дзрѣвающій, что подполье есть подполье и убѣжденный,
что его жизнь есть настоящая, высшая жизнь, его знаніе—

наибольше совершенное знаніе, его добро — абсолютное добро, что онъ альфа и омега, начало и конецъ всего, такой человѣкъ даже въ подпольномъ краѣ вызываетъ гомерическій хохотъ. Прочтите, какъ описываетъ Достоевскій «нормальныхъ» людей и спросите, что лучше, мучительныя ли судороги «сомнительнаго» пробужденія или тупая, сѣрая, звѣвющая, удушающая прочность «несомнѣннаго» сна. Тогда, быть можетъ, вамъ не покажется такимъ парадоксальнымъ противопоставленіе одного человѣка «всей» природѣ. При всей видимой безсмыслицѣ это все таки не такъ «безсмысленно», какъ апофеозъ «всѣмства», той золотой середины, при которой только и могли вырасти наше «знаніе» и наше «добро».

Аристотеля (когда Достоевскій называетъ Клода Бернара онъ, *de facto*, имѣетъ въ виду Аристотеля) его биографъ называетъ «преувеличенно умѣреннымъ». И точно, Аристотель былъ гениемъ и несравненнымъ пѣвцомъ «всѣмства», т. е. середины и посредственности. Онъ впервые твердо установилъ принципъ: «законченность есть признакъ совершенства», онъ и создалъ идеальную, навѣки образцовую систему знанія и «этики». Не случайно, конечно, средніе вѣка, когда «предѣлы возможнаго опыта» расширялись до фактической безпредѣльности, такъ прочно держались Аристотелевской философіи. Аристотель былъ необходимъ богословамъ, какъ римская государственная организація — папамъ. Католичество было и должно было быть *complexo* эррозіюгам: безъ «умѣряющаго» Аристотеля и римскихъ эрристовъ оно никогда бы не добилось побѣды на землѣ...

Можетъ быть, теперь именно умѣстно указать и на то обстоятельство, что въ русской литературѣ Достоевскій не стоитъ одиноко. Впереди его и даже надъ нимъ долженъ быть поставленъ Гоголь. Всѣ произведенія Гоголя — и «Ревизоръ», и «Женитьба» и «Мертвыя души» и даже его раніе рассказы, такъ весело и красочно рисующіе малоросійскій «бытъ» — одинъ непрерывающіяся записки изъ подолья. Пушкинъ, читая Гоголя, воскликнулъ: «Боже, кака

грустная Россія!» Но Гоголь не о Россіи говорилъ — ему весь міръ представлялся замороженнымъ царствомъ. Достоевскій понималъ это: «изображенія Гоголя, писалъ онъ, давятъ умъ непосильными вопросами». «Скучно жить на свѣтѣ, господа!» — этотъ страшный вопль, который какъ бы противъ воли вырвался изъ души Гоголя, не къ Россіи относился. Не потому «скучно», что на свѣтѣ больше, чѣмъ хотѣлось бы, Чичиковыхъ, Ноздревыхъ и Сабакевичей. Для Гоголя Чичиковы и Ноздревы были не «они», не другіе, которыхъ нужно было бы «поднять» до себя. Онъ самъ сказалъ намъ — и это не лицемѣрное смиреніе, а ужасающая правда — что не другихъ, а себя самого описывалъ и осмѣивалъ онъ въ герояхъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Книги Гоголя до тѣхъ поръ останутся для людей запечатанными семью печатями, пока они не согласится принять это гоголевское признаніе. Не худшіе изъ насъ, а лучшіе — живые автоматы, заведенные таинственной рукой и не дерзающіе нигдѣ и ни въ чемъ проявить свой собственный починъ, свою личную волю. Нѣкоторые, очень немногіе, чувствуютъ, что ихъ жизнь есть не жизнь, а смерть. Но и ихъ хватаетъ только на то, чтобы, подобно гоголевскимъ мертвецамъ, изрѣдка, въ глухіе ночные часы, вырваться изъ своихъ могилъ и тревожить своихъ оцѣпенѣвшихъ сосѣдей страшными, душу раздирающими криками: душно намъ, душно! Самъ Гоголь чувствовалъ себя огромнымъ безформеннымъ Вѣмъ, у котораго вѣки до земли и который не въ силахъ ихъ хоть чуть чуть приподнять, чтобы увидѣть краешекъ неба, открытый даже жалкимъ обитателямъ мертваго дома. Его сверкающія остроуміемъ и несравненнымъ юморомъ произведенія самая потрясающая изъ міровыхъ трагедій, какъ и его личная жизненная судьба. И его посѣтилъ грозный ангелъ и надѣлилъ проклятымъ даромъ второго видѣнія. Или этотъ даръ не проклятіе, а благословеніе? Если бы хоть на этотъ вопросъ можно было отвѣтить! Но весь смыслъ второго видѣнія въ томъ, чтобы задавать вопросы, на которые нѣтъ отвѣтовъ и именно потому, что они такъ настоятельно требуютъ отвѣтовъ. Без-

численный сонмъ чертей и иныхъ могучихъ духовъ не могъ приподнять вѣки Вію. Не можетъ открыть глаза и Гоголь, хотя весь онъ сосредоточенъ на одномъ помыслѣ, на одномъ желаніи. Онъ можетъ только терзать себя и безумствовать — отдать себя въ руки духовному палачу отцу Матвѣю, уничтожать свои лучшія рукописи, писать дикія письма друзьямъ своимъ. И, повидимому, въ какомъ то смыслѣ, эти безпощадныя самоистязанія, этотъ неслыханный духовный аскетизмъ, «нужнѣе» чѣмъ его дивныя литературныя произведенія. Можетъ быть нѣтъ иного способа, чтобъ вырваться изъ власти «всѣмства»! Гоголь не употребляетъ этого слова. Гоголь даже ничего не слышалъ о Клодѣ Бернарѣ и никогда, конечно, не подозревалъ, что Аристотель заворожилъ міръ закономъ противорѣчія и другими самоочевидностями. Гоголь не получилъ никакого образованія и былъ *indoctus* въ такой же степени, какъ и тѣ галилейскіе плотники и рыбаки, о которыхъ говоритъ бл. Августинъ. И все таки — а можетъ быть именно потому, еще мучительнѣй, чѣмъ Достоевскій, онъ чувствовалъ надъ собой и всѣмъ міромъ страшную власть чистаго разума, тѣхъ идей, которые создалъ «нормальный», непосредственный человѣкъ и которыя выявила и прославила теоретическая философія, принявшая наслѣдіе Аристотеля.

VII.

Мнѣ уже приходилось однажды указывать, что самое вѣрное т. е. единственно исчерпывающее опредѣленіе философіи мы находимъ у Плотина. На вопросъ, что такое философія, онъ отвѣчаетъ: *to timiotaton* т. е. самое важное. Помимо того, что этимъ опредѣленіемъ, какъ будто даже безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, разрушаются существовавшія уже въ древности перегородки, коими философія отграничивалась отъ сосѣднихъ съ ней областей религіознаго творчества и искусства—ибо, вѣдь и художникъ пророкъ ищутъ *to timiotaton* — помимо того, въ опре-

дѣленіи Платина философія не только не ставится подь контроль и начало науки, но прямо ей противопоставляется. Наукѣ нѣтъ дѣла до важнаго и не важнаго. Наука объективна, безстрастна. Ей все—равно. Она спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновныхъ, не вѣдаетъ ни жалости, ни гнѣва. Но такъ какъ тамъ, гдѣ нѣтъ гнѣва и жалости, гдѣ равнодушно относятся къ правымъ и виновнымъ, гдѣ все «явленія» только классифицируются, но не квалифицируются, не можетъ быть важнаго и не важнаго, то, стало быть, философія, опредѣляемая какъ *to timotaton*, уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть наукой. Даже больше того, она необходимо должна столкнуться съ наукой и какъ разъ въ основномъ вопросѣ о своемъ суверенитетѣ. Наука претендуетъ на достовѣрность т. е. на всеобщность и необходимость своихъ утверждений. Въ этомъ ея сила, историческое значеніе и великій, величайшій соблазнъ. Повторю еще разъ: глубоко заблуждаются тѣ ученые — а такихъ множество — которые воображаютъ, что они только «собираютъ и описываютъ факты». Факты сами по себѣ для науки совершенно не-нужны, даже для такихъ наукъ, какъ боганика, зоологія, исторія, географія. Наукѣ нужна теорія т. е. то, что чудеснымъ образомъ превращаетъ однажды происшедшее, для обычнаго глаза «случайное», — въ необходимое. Отнять у науки это суверенное право — значитъ свести ее съ пьедестала, обезсилить ее. Самое простое описание самого простаго факта уже предполагаетъ верховную прерогативу — прерогативу послѣдняго суда. Наука не констатируетъ, а судитъ. Она не изображаетъ дѣйствительность, а творитъ истину, по собственнымъ, автономнымъ, ею же созданнымъ законамъ. Наука, иначе говоря, есть жизнь предъ судомъ разума. Разумъ рѣшаетъ, чему быть и чему не быть. Рѣшаетъ онъ по собственнымъ—этого нельзя забывать ни на минуту — законамъ, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что онъ именуется «человѣческимъ, слишкомъ человѣческимъ». Матерія и энергія неуничтожимы, а Сократъ и Джіордано Бруно уничтожимы, поставляютъ разумъ; и все безпрекословно повинуются, никто не

дерзаетъ и вопроса поставить. почему разумъ издалъ такой законъ, почему онъ такъ огечески заботливо охранилъ матерію и энергію и забылъ о Сократѣ и Бруно! И еще меньше дерзаютъ поставить другой вопросъ. Положимъ, что разумъ и постановилъ этотъ возмутительный законъ, пренебрегши всѣмъ, что свято для людей, всѣмъ *to timonaton*, но откуда онъ взялъ силы провести свое рѣшеніе? Да еще такъ, что за все безконечное существованіе міра ни разу не случилось, чтобъ хоть одинъ атомъ пропалъ безслѣдно и хоть одинъ не то ужъ пудо-футъ, но золотнико дюймъ энергіи разстаялъ въ пространствѣ? Вѣдь это самое настоящее, неслыханное чудо! Тѣмъ болѣе, что, собственно говоря, никакого разума и нѣтъ. Попробуйте найти его, указать: ничего не выйдетъ. Чудеса онъ творить, какъ найреальнѣйшее существо, а существованія не имѣеть. И мы всѣ, приученные къ самому крайнему недовѣрью, такое чудо спокойно допускаемъ — ибо наука, создаваемая разумомъ, умѣеть хорошо заплатить намъ: изъ ничего не стоящихъ «фактовъ» создаетъ «опытъ», благодаря которому мы становимся «властелинами надъ природой». Разумъ привелъ человѣка на высокую гору и, указывая на весь міръ, сказалъ: все отдамъ тебѣ, если, падши, поклонишься. Человѣкъ поклонился и получилъ, хотя, правда, далеко не сполна, обѣщаннос. Съ тѣхъ поръ величайшей обязанностью человѣка считается обязанность поклоняться разуму. Намъ даже представляется невысказаннымъ т. е. въ какомъ то смыслѣ невозможнымъ иное отношеніе къ разуму. Относительно Бога есть заповѣдь: возлюби Господа Бога всѣмъ сердцемъ и душой. Разумъ обходится безъ заповѣди: и такъ возлюбятъ, безъ всякаго приказанія. Теорія познанія только воспѣваетъ разумъ, допрашивать же его никто не рѣшается и еще меньше рѣшаются оспаривать его суверенныя права. Чудо превращенія фактовъ въ «опытъ» всѣхъ покорило и соблазнило; всѣ признали, что разумъ судить, но самъ суду не подлежить.

Достоевскій своими вторыми глазами скоро увидѣлъ, что «опытъ», съ котораго люди начинаютъ свою науку.

есть не дѣйствительность, а теорія. И что теорія не можетъ оправдываться никакими успѣхами, завоеваніями, даже чудесами. И онъ поставилъ вопросъ, вправѣ ли «всѣмство» — (отъ него же и пошли самоочевидности), пользоваться тѣми высокими прерогативами, которыя оно искони себѣ присвоило, иначе говоря вправѣ ли разумъ автономно судить, не давая въ томъ никому отчета, или мы имѣемъ тутъ дѣло только съ освященнымъ вѣками захватомъ. Такимъ образомъ споръ «всѣмства» съ отдѣльнымъ, живымъ человекомъ представлялся ему не какъ споръ объ истинѣ, а какъ споръ о правѣ. Всѣмство захватило власть — нужно отбить ее, и, чтобъ отбить, прежде всего нужно перестать вѣрить въ законмѣрность захвата и сказать себѣ, что противникъ держится не собственными силами, а нашей вѣрой въ его силы. «Законы природы» съ ихъ непреоборимостью, истины съ ихъ самоочевидностью — можетъ быть только «навождепіе», такое же самовнушеніе или внушеніе извнѣ, какое бываетъ у пѣтуха, если обвести вокругъ него мѣловую черту. Пѣтухъ не выйдетъ за черту, какъ если бы это была не черта, а каменная стѣна. И, если бы пѣтухъ умѣлъ «мыслить» и выражать свои мысли въ-словахъ, онъ бы создалъ теорію познанія, говорилъ о самоочевидностяхъ и въ мѣловой чертѣ видѣлъ предѣлъ возможнаго опыта. А разъ такъ, стало быть, съ предпосылками научнаго знанія нужно бороться уже не доказательствами, а совсѣмъ иными приѣмами. Доказательства годились лишь до того, пока въ душѣ была еще вѣра въ предпосылки, которыми они только и держались. Но разъ вѣры нѣтъ, нужно другое. «Дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти: по крайней мѣрѣ человекъ всегда боится этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ, что человекъ только то и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти — ей Богу какъ то боится... Но дважды два четыре — вѣдь это, по моему мнѣнію, только пахальство-сь. Дважды два четыре смотритъ фертотомъ, стоитъ поперекъ вашей

дороги, руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды два четыре — превосходная вещь; но, если уже все хвалить, то и дважды два пять тоже премилая вещица». Вы не привыкли къ такимъ возраженіямъ противъ философскихъ теорій, вы, пожалуй, оскорблены тѣмъ, что, говоря о теоріи познанія, я позволяю себѣ цитировать такія мѣста изъ Достоевскаго. Вы были бы правы и возраженія точно были бы неумѣстны, ести бы не поднять былъ вопросъ о захватѣ, если бы тутъ шелъ вопросъ о правѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что «дважды два четыре» или разумъ со всеми его самоочевидностями не хотятъ допустить спора о правѣ. Да и не могутъ, ибо допустить такой споръ для нихъ значило бы погубить навѣрняка свое дѣло. Они не хотятъ судиться, они хотятъ быть и судьями и законодателями и всякаго, кто этого права за ними не признастъ, предають анаемѣ, отлучаютъ отъ всечеловѣческой, вселенской церкви. Тутъ кончается всякая возможность спора, тутъ начинается тяжелая, отчаянная борьба. борьба на жизнь и на смерть. Подпольный человѣкъ отъ имени разума объявленъ лишеннымъ покровительства законовъ. Законы, какъ мы знаемъ, покровительствуютъ только матеріи, энергіи и принципамъ. Сократъ, Джіордано Бруно и какой хотите вы великій и малый человѣкъ—все оказываются ничѣмъ и никѣмъ не охраняемыми. И вотъ ничтожный, забытый, жалкій человѣкъ дерзаетъ встать на защиту своихъ «мнимыхъ» правъ. И посмотрите, насколько глубже и проникновеннѣе взглядъ этого отверженнаго чиновничинки, чѣмъ разсужденія многихъ заправскихъ ученыхъ. Обычно философъ борется съ матеріализмомъ и очень гордится, если ему удастся собрать нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ соображеній для опроверженія своихъ противниковъ. Достоевскій-же, дальше Клода Бернара не пошедшій, даже не удостаиваетъ матеріалистовъ спора. Онъ знаетъ, что матеріализмъ самъ по себѣ безсиленъ, что держится онъ только идеализмомъ, идеями т. е. все тѣмъ же разумомъ, не признающимъ надъ собой никакого начала. Но какъ свергнуть его, этого самоувѣреннаго тирана, какіе методы для

борьбы придумать? Не забывайте, что спорить съ нимъ невозможно. Всѣ доказательства — разумныя доказательства т. е. затѣмъ только и созданныя, чтобъ поддерживать исходящія отъ разума директивы. Остается одно: насмѣхаться, браниться и на все, чего требуетъ разумъ, отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ. Разумъ создаетъ нормы и благословляетъ нормальныхъ людей, Достоевскій ему отвѣчаетъ: «почему вы такъ твердо, такъ торжественно убѣждены, что только одно нормальное и положительное — однимъ словомъ, только одно благоденствіе нужно? Не ошибаетесь ли разумъ въ выгодахъ? Вѣдь, быть можетъ, человѣкъ любить не одно благоденствіе. Можетъ быть, онъ ровно на столько же любить страданіе?.. А человѣкъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти — и это фактъ. Тутъ уже и со всемірной исторіей нечего справляться; спросите себя самого, если вы только жили. Что же касается моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе даже какъ то и неприлично. Хорошо-ли, дурно-ли, но разломать иногда что нибудь даже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризъ и чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданія, непримѣръ, въ водовилляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно не мыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія т. е. отъ разрушенія и хаоса никогда не откажется (вездѣ подчеркнуто мною). Предъ лицомъ такихъ «возраженій» самая тонкая, самая изощренная аргументація, накопленная въ теченіе тысячелѣтій теоріями познанія, падаетъ. Не законъ, не принципъ требуетъ себѣ и получаетъ гарантию, а капризъ, капризъ, относительно котораго и мудрейшіе и глупѣйшіе люди всѣхъ временъ и народовъ всегда знали, что ему, по самому его существу, именно невозможно ни имѣть, ни давать какія бы то ни было гарантіи. Спорить противъ этого — значитъ спорить противъ само

очевидности. Но въ томъ-то и дѣло что, какъ я уже не разъ говорилъ, Достоевскій именно съ самоочевидностями и борется. Наши самоочевидности только наши самовнушенія, какъ и наша жизнь — онъ все время объ этомъ говорить, есть не жизнь, а смерть. И, если вы хотите «достичь» Достоевскаго, вы сами непрерывно должны повторять его «основное положеніе»: дважды два четыре есть начало смерти. Нужно выбирать: либо опрокинемъ дважды два четыре, либо признаемъ, что послѣднее слово, послѣдній судъ надъ жизнью — есть смерть. Отсюда и ненависть Достоевскаго къ благоденствію, уравнищенности, удовлетворенію и его фантастическій парадоксъ: человѣкъ любить страданіе. «Все можно сказать о всемірной исторіи, все, что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ притти. Одно только нельзя сказать, что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь». Правда, тутъ нужно исправить подпольнаго человѣка — онъ допустилъ чисто фактическую погрѣшность, которая впрочемъ не усилила, а скорѣе ослабила его «аргументацію». Совершенно невѣрно, будто бы нельзя сказать, что всемірная исторія шла соотвѣтственно требованіямъ разума и что кто захочетъ такое утверждать, поперхнется на первомъ словѣ. Сколько людей такое утверждали, — цѣлыя трактаты на эту тему писали. И какіе краспорѣчивые, доказательныя! Философію исторіи создали, въ которой почти математически доказывалось, что въ основѣ историческаго движенія лежитъ «разумная» идея. Гегель стяжалъ собѣ безсмертіе своей философіей исторіи и какой человѣкъ послѣ Гегеля поперхнется, произпося слово «прогрессъ»? А теодицеи! Развѣ теодицею—ту-же въ сущности философію исторіи — люди не придумали? И развѣ Лейбницу его теодицея доставила меньше славы, чѣмъ Гегелю его философія исторіи? И развѣ она недостаточно плавно написана? Хоть разъ зайкнулся, поперхнулся онъ? Но, что Лейбницъ! Родоначальникомъ теодицеи является самъ божественный Плотинъ, тотъ Плотинъ, который повѣдалъ міру о своихъ неизрѣченныхъ постиженіяхъ, постиженіяхъ открывающихся

лишь тѣмъ, кому дано въ состояніи изступленія или экстаза выйти за предѣлы возможнаго для «всѣмства» опыта. Этимологическое значеніе слова «теодицея» — оправданіе Бога, но и у Лейбница, во всемъ слѣдовавшаго Плотину и у самаго Плотина, теодицея оправдываетъ не Бога, а «дважды два четыре». Поскольку Плотинъ, какъ учитель и представитель философской школы, былъ вѣрноподданнымъ разума, онъ и не могъ ни къ чему другому стрематься. Ему нужно было не «капризъ гарантировать» — «капризъ, своеволие есть источникъ зла на землѣ», машинально почти повторять онъ вслѣдъ за своими предшественниками. Капризъ, потрадиційшколь, нужно во что бы то ни стало убить, уничтожить, растворить въ «принципѣ». Поэтому онъ въ своей теодицеѣ—послужившей образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ—единственно только и озабоченъ тѣмъ, чтобъ доказать, что что бы ни происходило въ мірѣ, принципы поколеблены быть не могутъ. Люди рождаются и умираютъ, появляются и исчезаютъ, но «дважды два четыре»—вѣчно: всегда было и всегда будетъ. «Капризъ» тоже родился т. е. его не было и онъ возникъ: стало быть, очевидно, что ему не полагается отъ разума никакихъ гарантій и охранъ. Самое его появленіе на свѣтъ уже было нѣкимъ дерзновеніемъ т. е. нечестіемъ. Нечестіе же рано или поздно влечетъ за собой соответствующее возмездіе: законъ Немезиды или Адрастис неумолимъ и непопадень, какъ и полагается всякому «естественному» закону. Соответственно этому, въ теодицеѣ Платона вопросъ о судьбахъ отдѣльныхъ людей или даже цѣлыхъ народовъ уходитъ на второй планъ. Попалъ человѣкъ въ рабство, подвергся обидѣ, потерялъ близкихъ, даже отечество — это въ порядкѣ вещей. Вѣдь тутъ пострадало только что-то отдѣльное, случайное, нѣкій «капризъ». тутъ спрашивать не о чемъ, тутъ вопросъ просто неумѣстенъ. Вопросъ является тогда лишь, когда страдаетъ принципъ. Только принципъ, все тотъ же принципъ «дважды два четыре» заслуживаетъ охраны и гарантій и получаетъ ихъ. Васъ ограбили, замучали, оскорбили — Адрастеѣ до этого дѣла нѣтъ, такъ что, если виновниками вашихъ бѣдъ ока-

жеться стихія или звѣрь, то это нигдѣ во вселенной не вызоветъ реакціи и никто не придетъ къ вамъ на помощь. Ибо такого закона, что человѣкъ не долженъ гибнуть или страдать, разумъ не издалъ. Но вотъ человѣкъ позволилъ себѣ такъ или иначе нарушить «законъ»: отнялъ что нибудь у другого, ударилъ его или подвергъ иному лишенію, гораздо меньшему, чѣмъ тѣ обиды, которыя выпадаютъ на долю смертнаго ежечасно и ежедневно отъ «каприза» стихій. Это уже не можетъ быть прощено. Бдительная Адрастея неусыпно слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ ни одно нарушение закона не прошло безнаказанно для нарушителя, хотя о потерпѣвшемъ она никогда не вспомнить. Если вы убьете, то вернетесь вновь послѣ смерти на землю и будете убиты, если ограбите — то будете ограблены, если изнасилуете женщину, вы родитесь женщиной и подвергнетесь такому же насилію, и т. д. до самыхъ незначительныхъ мелочей. Не въ томъ дѣло, что ограбленный вами человѣкъ или обезчещенная женщина потерпѣла—терпѣть и выносить удѣлъ смертныхъ и въ этомъ пѣтъ зла. почему никто въ мірѣ и не озабоченъ тѣмъ, чтобъ помочь пострадавшимъ. Зло въ томъ, что насильникъ или убійца нарушилъ законъ. Это — абсолютно недопустимо и это требуетъ компенсаціи. Какъ въ матеріальномъ, такъ и въ «идеальномъ» мірѣ все держится на «равновѣсіи» и даже въ сущности самое понятіе о равновѣсіи матеріальный міръ заимствовалъ у идеальнаго. Поразительно, что Плотинъ, человѣкъ необычно острого и пронидательнаго ума, совершенно не замѣчаетъ, что неусыпная дѣятельность Адрастеи «гарантируетъ» не только «равновѣсіе», но и неизбѣжный ростъ зла въ мірѣ. Ибо для равновѣсія необходимо, чтобъ каждое преступленіе погашалось преступленіемъ же, и такимъ образомъ однажды совершенное преступленіе увѣковѣчивается. Если я убилъ, то буду убитъ и самъ, но мой убійца долженъ быть тоже убитымъ и т. д. безъ конца. А такъ какъ, сверхъ увѣковѣченныхъ, по требованію Адрастеи, преступленій могутъ и должны быть и новыя, вольныя, то ясно, что каждое слѣдующее поколѣніе необходимо будетъ преступнѣе преды-

лучаю. Не знаю, что сказали бы Плотинъ, если бы кто нибудь обратилъ его вниманіе на указанное мною обстоятельство. Всѣ вѣроятія, что нисколько не смутился бы. Вѣдь «принципъ», «равновѣсіе», «дважды два четыре» — соблюдены, данъ разуму уклонена. О чемъ же еще хлопотать?

VIII.

И точно, пока мы въ предѣлахъ разума, въ предѣлахъ, въ которыхъ протекаетъ то, что «всѣмство» называетъ «жизлью», пониманіе, осмысливаніе происходящаго должно быть сведено къ чисто механическому объясненію. Въ матеріальномъ мірѣ — равновѣсіе, въ моральной — справедливость, то-же равновѣсіе только подъ другимъ именемъ. И философія, которая хочетъ быть наукой, озабочена только тѣмъ, чтобъ уравненіе, въ которомъ выражается для нашего разума вселенная, было такъ разрѣшено, чтобъ, по замѣнѣ неизвѣстныхъ величинъ полученными корнями, мы имѣли бы тождество. Для этой цѣли, которую предполагаютъ столь безспорной, что въ ней видятъ условіе возможности не только мышленія, но и бытія, ничего не жалѣ. Чтобъ равновѣсіе не нарушилось, къ охранѣ его приставляется безсмертная и страшная Адрастея. Правда, это уже всѣмъ не «естественно», это — чудо изъ чудесъ. Пока идетъ рѣчь о томъ, что дважды два—четыре, т. е. пока мы оперируемъ надъ отвлеченными числами, куда еще ни шло. Тутъ неизмѣнность двухъ частей уравненія обезпечена взаимнымъ соглашеніемъ всѣмства, какъ бы безмолвнымъ *compact social*. Но, вѣдь наука этимъ не удовлетворяется. Ей мало господствовать въ созданномъ человѣкомъ мірѣ идеальнаго. Она хочетъ господства и въ мірѣ реальномъ, хочетъ, чтобъ, какъ въ сказкѣ, сама золотая рыбка у нея не послыжалась служила. И она придумываетъ Адрастею, охраняющую милое нашему разуму равновѣсіе; при томъ ухитряется сдѣлать это такъ незамѣтно, поставитъ ее такъ далеко отъ причиннаго ей міра явленій, что никому въ голову не приходитъ заподозрить тутъ «неестественность». Величайшій

произволь проходить подъ флагомъ естественной необходимости. Достоевскому нужно было притти въ «изступленіе», чтобъ посмѣть увидѣть въ притязаніяхъ Адрастеи «нахальство», какъ и самому Протипу необходимы были его «экстазы», «выхожденія», чтобъ освободиться отъ власти философскихъ самоочевидностей. И теперь, читая Достоевскаго, мы не знаемъ точно, вправѣ ли мы возмущаться наглостью «дважды два четыре», или, по старому, должны гнуть предъ нимъ шею. Самъ Достоевскій не «зналъ» съ «достоверностью», свалилъ-ли онъ своего врага или былъ имъ низверженъ. Не зналъ до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни. Вырвавшись изъ все́мства, онъ попалъ въ бесконечно запутанный лабиринтъ, въ непроходимыя дебри и потерялъ способность судить и не зналъ притомъ, было ли то собственно потерей или приобрѣтеніемъ. Ему пришлось пожелать «самаго пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобъ ко всему тому благоразумію примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ». Фантастическій элементъ! Иначе говоря, своей проблемой онъ сдѣлалъ не тотъ естественный, разъ на всегда опредѣленный, а потому какъ будто бы приятный порядокъ, а самое Адрастею съ ея вѣчными загадками и неразрѣшимыми тайнами. Созданная «все́мствомъ» наука прогнала за предѣлы своего поля зрѣнія Адрастею съ ея капризами, фантазіями и чудесами и, чтобъ «жить спокойно», притворилась, что никакихъ капризовъ, никакихъ чудесъ, ничего фантастическаго въ мірѣ она не находитъ. Достоевскій возненавидѣлъ и спокойствіе и все «выгоды», которыя «порядокъ» приносятъ съ собою человѣку. Оттого, ни наша теорія познанія, ни «логика» уже не импонируютъ ему больше. Онъ старается не оправдать, а поколдовать, преодолѣть все наши самоочевидности. «Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое т. е. въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я, можетъ быть, потому и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое и что нельзя будетъ ему и украдкой языка выста-

вить. Вотъ видите-ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я можетъ быть и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все таки курятника не приму за дворець изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣтаетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, если бы надо было жить только для того, чтобъ не замочиться. Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что жить и не для одного этого, и, что, если уже жить, такъ въ хоромахъ». Какъ полагается подпольному человѣку, онъ «доказательствъ» не приводитъ: знаетъ, что если до доказательства дойдетъ, то разумъ восторжествуетъ. Его аргументація — неслыханная: языкъ выставить, кулишъ показать. Вы опять негодуете: какъ можно такіе приемы называть «аргументаціей» и требовать отъ науки, чтобъ она съ этой аргументаціей считалась. Но подпольный человѣкъ вовсе и не добивается, чтобъ съ нимъ «считались» — и, быть можетъ, это въ немъ самая замѣчательная черта. Онъ понимаетъ, что «всеобщее признаніе» ему ничего не дастъ и вовсе не хочетъ никого убѣждать. Не хочетъ онъ и писать на будущихъ вѣкахъ, какъ на скрижаляхъ, т. е. направлять исторію. Его «интересы» виѣ «вѣмства», а, стало быть и «виѣ» исторіи. «Вы опять смѣтаетесь?» говорить онъ. Извольте смѣяться; я всё насмѣшки приму и все таки не скажу, что я сытъ, когда ѣсть хочу, все таки знаю, что не успокоюсь на компромиссѣ. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ капитальный домъ съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту... А не хотите меня удостоить вниманія, такъ вѣдь кланяться я не буду. У меня есть подполье. А пока мѣсть я живу и желаю, да отохли моя рука, коль я хоть одинъ кирпичъ на такой домъ принесу. Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его пельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что такъ люблю языкъ свой выставлять. Я, можетъ быть, на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не нахо-

дится». Твердой, опредѣленной цѣли нѣтъ у подпольнаго человѣка. Хотѣтъ онъ хотеть, безумно, страстно, безудержно чего то хотеть, но чего онъ хотеть—не знаетъ и никогда знать не будетъ. То онъ говоритъ, что никогда не откажется отъ удовольствія языкъ выставить, то заявляетъ, что вовсе ужъ не такъ любить дразнить. То утверждаетъ, что съ него достаточно его подполья, что ему ничего другого не нужно, то отправляетъ подполье къ черту. Вотъ какой изступленной тирадой вдругъ прорываетъ его: «Итакъ, да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ, въ какихъ я его вижу, не хочу имъ быть (хотя все таки не перестаю ему завидовать). Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе. Тамъ по крайнѣй мѣрѣ можно!.. Охъ! Да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что и самъ знаю какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ черту подполье!» То, что происходитъ въ душѣ подпольнаго человѣка, менѣе всего похоже на «мышленіе», и даже на «исканія». Онъ не «думаетъ», онъ отчаянно мечется, стучится куда попало, бьется обо всѣ встрѣчающіяся ему по пути стѣны. Его постоянно взрываетъ, возносить Богъ знаетъ, какъ высоко и потомъ швыряетъ тоже въ Богъ знаетъ какія пропасти и глубины. Онъ уже не направляетъ себя, имъ владѣетъ сила безконечно болѣе могучая, чѣмъ онъ самъ. «Если бъ я вѣрилъ самъ хоть чему нибудь изъ того, что теперь написалъ. Клянусь же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному таки словечку не вѣрю изъ того, что настрочилъ. То есть и вѣрю, пожалуй, но въ то же время неизвѣстно почему чувствую и подозреваю, что вру, какъ сапожникъ»... Достоверности, сопровождающей обычныя наши сужденія и дающей прочность истинамъ всѣмства, нѣтъ и не можетъ быть у того, кого ангелъ смерти надѣлилъ своимъ загадочнымъ даромъ. Нужно жить безъ достоверности, безъ увѣренности. Нужно предать духъ свой въ чужія руки, стать какъ бы матеріаломъ, глиной, изъ которой невидимый и невѣдомый гор-

печникъ вылъпитъ что то, тоже совершенно неизвѣстное. Только это одно прочно сознаетъ подпольный человѣкъ. Онъ «увидѣлъ», что ни «дѣла» разума, ни никакія другія человѣческія «дѣла» не спасутъ его. Онъ пересмотрѣлъ и съ какой тщательностью, съ какимъ сверхчеловѣческимъ напряженіемъ, все что можетъ сдѣлать человѣкъ со своимъ разумомъ — всѣ хрустальные дворцы и убѣдился, что это не дворцы, а курятники и муравейники, ибо всѣ они построены на началѣ смерти — на «дважды два — четыре». И чѣмъ больше онъ это чувствуетъ, тѣмъ сильнѣе рвется на просторъ изъ глубины его души то «наразумное», неизвѣстное, тотъ первозданный хаосъ, который больше всего пугаетъ обычное сознаніе. Поэтому то онъ въ своей «теоріи познанія» отказывается отъ достовѣрности и принимаетъ за послѣднюю свою цѣль—неизвѣстность, поэтому онъ держитъ противуставлять самоочевидностямъ такую аргументацію, какъ кукишь или высунутый языкъ, поэтому онъ воспѣваетъ ничѣмъ не обусловленный, неподдающійся никакому учету, вѣчно ирраціональный капризъ, поэтому онъ смѣется надъ всѣми человѣческими «добродѣтелями».

Л. Шестовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)